

Александр Антонов
Запад — Восток

Красным по белому
Альтернативная сага

Александр Антонов

**Запад – Восток. Красным
по белому. Альтернативная сага**

«Издательские решения»

Антонов А.

Запад – Восток. Красным по белому. Альтернативная сага /
А. Антонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939720-1

...Самолёт снизился уже настолько, что чуть не задел колесом верхушку высокого бархана, но сумел перевалить за него. Всадники мчались следом. Доскакав до вершины бархана, они увидели лежащий на песке самолёт. Но это их совсем не обрадовало. Обтекая самолёт с двух сторон, на них двигалась большая конная группа, над которой развевалось знамя Туркестанской республики... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-939720-1

© Антонов А.
© Издательские решения

Содержание

Александр Антонов	6
Книга третья	7
ХРОНИКИ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ	8
23 февраля 1920 года	8
МЯТЕЖ	15
Июль 1920	15
Гостиница ВЧК в здании на Лубянской площади	15
Петроград	16
Генеральный штаб	17
Район учений войск Центрального военного округа	18
Петроград	19
Здание ВОК (Всероссийская Оборонная Комиссия)	20
Генеральный штаб	21
Кабинет Ежова	22
Штаб Слащёва	22
Возле Дворцового моста	24
Ольга	24
Ставка и. о. наркома обороны Абрамова	26
Москва	27
Кронштадт	28
ПОСЛЕ МЯТЕЖА	32
Сентябрь 1920 года	32
Николай	36
Ольга	39
Михаил	41
Николай	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Запад – Восток Красным по белому. Альтернативная сага

Александр Антонов

© Александр Антонов, 2019

ISBN 978-5-4493-9720-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Антонов
КРАСНЫМ ПО БЕЛОМУ
(альтернативная сага)
вторая редакция

«Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»
П. А. Столыпин

Книга третья ЗАПАД – ВОСТОК

ХРОНИКИ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

Часть первая

23 февраля 1920 года Квартира Абрамовых

Совру, если скажу, что традиция отмечать 23 февраля как День Российской Армии в России ещё не прижилась – её просто не было. Зачем же именно сегодня в квартире Абрамовых за праздничным столом собрались три генерала и полковник – все в парадной форме? Чтобы отметить День Российской Армии. Парадокс? Разумеется! Но только не для людей с двойным менталитетом...

Ольга, которая даже 8 марта не манкировала женскими обязанностями, встать в этот день к плите отказалась категорически. Потому утку приготовила загодя, оставалось только разогреть.

Начиналось застолье весело, но где-то после третьей рюмки пришло время для серьёзных тем.

– Шеф, скажи по совести, – обратился к Жехорскому председатель ВОК генерал-лейтенант Ежов, – не жалеешь о том, что сдал наркомат обороны Троцкому?

– Не сдал, а передал, – тут же поправил товарища Жехорский. – Сдать – от слова «сдаться». А мы ведь Троцкому пока ни в чём не уступили. Правда, Васич?

Первый заместитель наркома обороны, командующий войсками Центрального военного округа, генерал армии Абрамов, своим ответом Жехорского неприятно удивил. Вместо поддержать товарища – да, мол, ни пяди земли не уступили супостату! – он неопределённо пожал плечами. Жехорского это задело.

– Не понял! – воскликнул он, адресуя свой протест Абрамову. – Ты же вчера утверждал, что в наркомате обороны у тебя всё под контролем?

– Твоё «вчера», Макарыч, – невесело усмехнулся Абрамов, – если мне не изменяет память, двухмесячной давности?

– И что? – нахмурился Жехорский. – За это время что-то сильно изменилось?

Абрамов промолчал. Зато вновь заговорил Ежов:

– Странное дело, – сказал он. – ВОК от действий наркомата обороны трясёт баллов на пять, не меньше, а у вас в ГПУ, стало быть, тишь да гладь?

(После того, как Дзержинский возглавил Наркомат государственной безопасности, он оставил пост начальника Главного политического управления при ВЦИК и СНК. На этот пост был назначен Жехорский).

Жехорский слегка смутился. Действительно, после того, как было принято решение об упразднении института военных комиссаров и введении вместо него института офицеров по воспитательной работе, дела армейские стали заботить его гораздо меньше. Всё это он и сказал в своё оправдание, добавив:

– Но командовать-то частями стало легче?

– Не в пример, – согласился Абрамов. – Вот только нарком Троцкий с таким положением вещей никак не может смириться, требует вернуть комиссаров.

– Зато начальник Генштаба Тухачевский оказывает ГПУ в этом вопросе полное содействие, – парировал Жехорский.

– Вот именно в «этом вопросе», – нахмурился Абрамов.

– Что ты хочешь этим сказать? – насторожился Жехорский.

– А то и хочу, – с раздражением ответил Абрамов. – В остальных вопросах товарищ Тухачевский последнее время всё чаще принимает сторону наркома.

– Подожди... – наморщил лоб Жехорский. – А разве Тухачевский не твой человек? Когда я поддерживал его назначение на должность начальника Генштаба, я полностью был в этом уверен.

– Ну, извини! – резко взмахнул единственной рукой Абрамов. – И вы меня извините, – обратился он к Ольге и Ежову, – за то, что ввёл всех в заблуждение. Вот такая я бяка!

– Брось! – поморщился Ежов. – С Тухачевским мы все здорово лопухнулись, кроме, разумеется, Ольги. Кто же мог подумать, что он настолько карьерист.

– Думаешь, всё дело в этом? – спросил Жехорский, тогда как Абрамов хмуро смотрел в сторону.

– А в чём ещё? – удивился Ежов. – Не думаешь же ты, что Тухачевский всерьёз увлётся троцкизмом?

Ольга, которая неодобрительно следила за происходящим, сказала, обращаясь к мужу:

– Слышь, генерал, а не сходил бы ты за уткой, пока они спорят? – В ответ на недоумённый взгляд мужа, пояснила: – Очень уж хочется, чтоб в праздник меня обслужили на четыре звезды!

Ежов и Жехорский прервали разговор и все трое мужчин уставились на Ольгу с недоумением. Потом Абрамов скосил глаза на свой погон, где в ряд размещались как раз четыре звезды, усмехнулся, ловко вскочил с места и вышел из комнаты. Тут же поднялась и Ольга.

– Что-то мне подсказывает, – пояснила она, направляясь к двери, – если мы не хотим вместо подогретой утки получить подгорелую, полковник на кухне тоже будет нелишним!

– Ловко она разрядила обстановку, – кивнул вслед ушедшей Ольге Ежов.

– Угу, – кивнул Жехорский.

Замолчали. Каждый о своём...

**

Мысли Николая Ежова витали в клубах табачного дыма, который, несмотря на отворённые настежь форточки, никак не желал покидать зал, где проходил учредительный съезд Российской коммунистической партии (РКП).

Начинался, правда, съезд, как очередной, X съезд РСДРП (б). Но уже в первый день работы Ленин в конце отчётного доклада предложил реорганизовать партию из социал-демократической в коммунистическую. После непродолжительных дебатов предложение Ленина было принято. На этом X съезд РСДРП (б) свою работу закончил, а уже на следующий день в том же зале начал работу I съезд РКП. Число делегатов сократилось ровно на чуть-чуть – на тех, кто выступил против идеи Ленина.

(Позднее они, эти самые «чуть-чуть», совместно с меньшевиками и частью правых эсеров объединились в Российскую социал-демократическую партию – РСДП – во главе с Плехановым).

А чё ж так много курили-то, спрашивается? Али культуры товарищам коммунистам не доставало? И это тоже. Но не стоит ёрничать, были причины и поважнее, чем недостаток культуры. Случилась меж делегатами непонятка по двум важнейшим вопросам: включать ли в программу партии положения о Диктатуре пролетариата и Мировой революции в редакции, предложенной Лениным, либо в толковании его оппонентов.

О чём тут думать, кричал главный супостат Ленина, Троцкий. Мы ведь уже проголосовали за то, что РКП является партией марксистского толка. А он (Маркс) и по Диктатуре пролетариата, и по Мировой революции высказался достаточно чётко. И зачем нам мудрить? А затем, отвечал ему Ленин, что высказывался уважаемый Карл Генрихович по этим вопросам более полувека назад. И если стратегия тех времён нам подходит, то тактику необходимо поменять. И «Диктатура трудящихся» для данного исторического момента звучит более подходяще.

Может вы, Владимир Ильич, и правы, гудел с трибуны Шляпников. Но только какая же это к чертям собачьим диктатура, когда верховодят на фабриках и заводах всё те же капиталисты?

А что, Александр Гаврилович, спрашивал Ленин. Может, есть у тебя на примете хотя бы один рабочий, который и производство наладить сможет, и денег для этого найдёт, и домой после смены не заторопится, а прирежет к своему рабочему графику ещё часика три—четыре? Нет, батенька, если мы не хотим, чтобы встали наши фабрики и заводы, то – не везде, и тебе это хорошо известно, есть у нас и полностью национализированные предприятия – будем терпеть ради общего блага капиталистов, пусть себе верховодят! А диктатура будет выражаться в контроле над капиталистами со стороны трудящихся, посредством отторжения в пользу трудового коллектива неделимого пакета акций предприятия в размере не ниже блокирующего пакета – так называемой коллективной собственности.

Это всё прекрасно, вновь лез на трибуну Троцкий. Но как нам всё-таки быть с Мировой революцией?

Да нормально всё, отвечал Ленин. Мировая революция – дело стоящее. Будем её всемерно поддерживать. В первую голову примером социалистического строительства в нашей собственной стране. Ну, и ещё чем-нибудь... Но только не военной силой! Вы ведь понимаете, Лев Давидович, что революция – дело внутреннее, и поддержка её из-за рубежа путём прямого военного вмешательства – это уже интервенция, а мы с вами люди мирные.

Так теперь виделись делегату I съезда РКП Николаю Ежову события почти годичной давности. За точность высказываний он, разумеется, поручиться не мог, а вот за смысл, да, ручался. Так и отметим: с его слов записано верно.

**

Жехорский испытывал неловкость. Как он ухитрился недооценить трудности, которые, как оказалось, мужественно преодолевали его товарищи?

Потому и рылся Михаил Макарович в памяти, пытаясь отыскать моменты, когда он так оплошал. Вот Ёрш упрекнул его за то, что он «сдал», как выразился Николай, пост наркома обороны Троцкому. Но разве момент того не требовал? После I съезда РКП Троцкий хотя и уступил Ленину в борьбе за главенство в партии, но силу за собой почувствовал немалую (почти 40% от числа делегатов, если сложить «интернационалистов» и «трудовиков»). Стал Лев Давидович на посту наркома иностранных дел позволять себе совершенно непозволительные вольности, идущие вразрез с согласованным между ВЦИК и Совнаркомом российским внешнеполитическим курсом.

Начал Троцкий с того, что во время официального визита в Софию чуть не поссорил Россию с Болгарией. Во время переговоров и прочих официальных приёмов говорил хотя и дозволенные речи, но вид при этом имел такой, будто прямо перед этим отведал клюквы, да без сахара. Зато на митинге болгарских коммунистов (после создания РКП компартии стали плодиться по всему миру как грибы после дождя), стоя на трибуне рядом с Димитровым, толкнул пламенную речь, чем ввёл болгарский истеблишмент в состояние грогги. И полетели телеграммы. Из Софии в Москву с обидой и лёгким испугом. Из Москвы в Софию успока-

ивающие – в адрес правительства и раздражённые – в адрес наркоминдел. Троцкий тем временем явился в штаб командующего Русским экспедиционным корпусом в Болгарии генерал-полковника Деникина. Начал сразу с того, что подвёл генерала к окну и указал на море знамён и транспарантов, колышущееся над запрудившими улицу колоннами демонстрантов (сторонники компартии занимались тем, что много десятилетий спустя, вполне, может стать, и в ЭТОМ времени, назовут подготовкой к «цветной» революции).

Деникин от визита Троцкого пребывал в дурном расположении духа, потому решился на столь же дурную шутку.

– Прикажете разогнать? – мрачно усмехнулся генерал.

Троцкий возмущённо блеснул стёклами очков, но от резкой отповеди удержался.

– Нет, генерал, не прикажу. Подобные действия были бы справедливо расценены болгарской стороной, как прямое вмешательство в их внутренние дела. А такого мы с вами позволить себе не можем!

– В таком случае, – растерялся от столь правильных речей Деникин, – мне неясна цель вашей демонстрации (говоря иными словами: какого чёрта ты меня тогда к окну-то подвёл?).

– Тут как раз всё просто, – тоном человека, обладающего превосходством над собеседником, произнёс Троцкий. – Раз мы оба понимаем, что лезть в болгарские дела нам не след, так давайте и не будем этого делать!

Троцкий продолжал говорить, наслаждаясь видом всё более и более обалдевающего генерала. Посчитав, что сполна рассчитался с Деникиным за солдафонскую шутку, прозвучавшую в начале беседы, Троцкий перешёл к сути своего визита.

– Я думаю, будет правильным, если российская военная форма в эти беспокойные дни не будет присутствовать на софийских улицах.

– Понял, – кивнул Деникин. – Немедленно распоряжусь отменить увольнительные для рядового состава, а командиров всех рангов прикажу перевести на казарменное положение.

– И уберите с улиц наши военные патрули, – посоветовал Троцкий.

– Непременно. Зачем они там в таком разе нужны? – согласился Деникин.

– И отзовите охрану со всех объектов военной инфраструктуры, которые находятся под нашим контролем, включая арсенал, – очень будничным тоном продолжил Троцкий.

– Но ведь передача объектов под охрану болгарской армии потребует нескольких дней, – сказал Деникин.

– Вот поэтому, генерал, я и предлагаю просто отозвать наших солдат, никого ни о чём не оповещая.

Деникин, который всё это время делал пометки на листе бумаги, поднял голову. Взгляды его и Троцкого пересеклись. Непросто было выдержать этот «очковый» взгляд, но генерал справился. Чуть охрипшим от внутреннего напряжения голосом произнёс:

– А вот это уже не в моей власти. Без распоряжения наркомата обороны я такого приказа не отдам!

– То есть моего распоряжения вам недостаточно? – с угрозой в голосе спросил Троцкий.

Но Деникин уже окончательно овладел собой, потому принял строевую стойку и чётко ответил:

– Никак нет!

– Жаль... – Троцкий не скрывал разочарования. – Надеюсь, вы понимаете, генерал, что только что упустили возможность стать моим другом?

Деникин промолчал, лишь упрямо вздёрнул подбородок.

Не подав руки, Троцкий вышел за дверь, а Деникин, промокнув вспотевший лоб безукоризненно чистым платком, сел писать депешу Жехорскому.

Вернувшись в Петроград, Троцкий большую часть упреков в свой адрес уверенно отмёл – прохиндей-то он ещё тот! Малую же часть грехов признал и немедленно в них покаялся. После чего стал ратовать за возвращение всех российских оккупационных войск на родину. Нечего, мол, нашим солдатикам на чужбине маяться! Да и казну попусту зорить тоже не след. Мысль была в целом дельная, потому инициатива Троцкого нашла поддержку и во ВЦИК, и в Совнарком. Наркому обороны Жехорскому возразить было тоже нечего, поскольку график вывода войск существовал и без идеи Троцкого, просто теперь пришлось его скорректировать в сторону опережения от нескольких месяцев до полугода.

Понятное дело, пребывания российских войск в Пруссии это не касалось.

Приказы о выводе ушли в оккупационные войска. Вскоре из Софии дипломатической почтой в адрес наркома обороны прибыл конверт. Когда Жехорский сломал сургуч и вскрыл депешу, у него в руках оказались несколько прошений об отставке. Сам Деникин и ещё несколько офицеров экспедиционного корпуса извещали о намерении оставить российскую службу и на Родину не возвращаться. Чего стоило Михаилу Макаровичу убедить российское руководство не вставать в позу и удовлетворить просьбу верных защитников отечества – история отдельная. Правда, представление на Деникина о присвоении тому воинского звания «генерал армии» пришлось отозвать...

Вскоре выяснилось, что инициатива Троцкого имела двойное дно. Не преуспев в Болгарии, тот с лихвой отыгрался в Венгрии. Дело в том, что арсеналы бывшей австро-венгерской армии подлежали вывозу в Россию лишь частично. Большая часть вооружений поступала в распоряжение образованных на обломках бывшей империи государств. А в Венгрии на тот момент у власти была коалиция социалистов и коммунистов. Лидер коммунистов Бела Кун успешно прибрал оставленное без присмотра российских солдат вооружение к рукам и тут же принялся закручивать в стране гайки. Так, диктатуру пролетариата он вознамерился установить не от российского варианта, а от основополагающего. Не всем в Венгрии это пришлось по вкусу, и вслед за введением диктатуры пролетариата последовал «красный террор». Кончилось всё, правда, довольно быстро, ещё до 23 февраля 1920 года. Отряды Миклоша Хорти вытеснили сторонников Бела Куна из Венгрии, а потом, совместно с Чехословацкой армией, и из Словакии. Остатки разбитой коммунистической армии отошли на территорию Украины, где и были интернированы, больше, правда, на словах, чем на деле.

Но всё это было потом. А в самом начале венгерских событий в Лиге Наций поднялся большой шум, который пагубно отразился на дипломатическом имидже России. Коммуниста Троцкого на посту наркома иностранных дел срочно сменил эсер Чернов, которому было вменено вернуть российской дипломатии доброжелательное выражение лица.

А что же Троцкий? Он потребовал для себя пост наркома обороны. При отсутствии наличия войны – о, господи! что я несу? – подобный политический кульбит сочли вполне возможным. Во-первых, уступка политическим амбициям Троцкого предполагалась на относительно короткое время: до окончания работы V съезда Советов. Считалось, что за столь короткий промежуток времени он (Троцкий) не успеет расставить на командные посты в армии и на флоте своих людей, а значит, большого вреда обороноспособности страны не нанесёт. Кто же тогда мог предположить, что Троцкий споётся с Тухачевским? Во-вторых, Жехорского пост наркома обороны тяготил с момента назначения. Предложение сразу после отставки с этого некомфортного для него поста возглавить ГПУ казалось Михаилу Макаровичу куда более заманчивым. Ведь он уже знал, с чего будет начинать: ликвидирует институт военных комиссаров, которые давно исполнили предназначенную им роль и теперь гирями висели на ногах командиров.

Так оно и случилось. Встав во главе ГПУ, Жехорский тут же принялся ратовать за замену военных комиссаров на офицеров по воспитательной работе. Ленин и Спиридонова – даром, что жена! – поначалу сомневались. Уж больно шумно возмущались «недальновидностью товарища Жехорского» Троцкий и компания, а среди них сильнее всех драли глотки его (Жехор-

ского) собственные замыслы Крыленко и Дыбенко. И вот тут неоценимую помощь оказал Жехорскому Тухачевский, который не только поддержал его в вопросе о военных комиссарах, но и нашёл пару-тройку весомых аргументов в поддержку идеи. «Нет, – думал Жехорский, – не может тёзка быть врагом. Что-то, может, там и есть, но в целом ребята явно перегибают палку». Его самого гораздо больше беспокоило состояние дел в НГБ, и это несмотря на то, что в нарком государственной безопасности Дзержинском он был полностью уверен. Зато в начальнике Второго главного управления (внутренняя безопасность и контрразведка) Лацисе Жехорский был совсем не уверен, более того, видел в нём ставленника Троцкого, а значит, потенциального врага. Не радовало Михаила Макаровича и то, что соратники Лациса прочно обосновались в Петроградском и Московском управлениях НГБ. И это при том что на Лубянской площади верховодил его товарищ по партии эсеров Блюмкин.

Неприязнь Жехорского к Якову Блюмкину разделяли многие эсеровские боссы, в том числе Спиридонова и Александрович. За то, что на последнем съезде партии тот выступил с резкой критикой руководства: не потому, мол, пути, ведёте партию, товарищи! Это было тем более досадно, что подавляющее большинство делегатов съезда определённый руководством партии курс как раз поддержали. Как поддержали предложение о переименовании партии из ПСР (партии социалистов-революционеров) в ПСР (партию социальных реформ) – то есть, как были эсеры, так ими и остались.

Жехорский опять вернулся мыслями к Лацису. Этот латыш вознамерился – с подачи Троцкого, разумеется – углублять диктатуру пролетариата не мытьём, так катанием. Контрразведка стала откровенно третировать всех, кого подозревала в недостаточной любви к рабочему классу. И если в отношении действующих армейских и флотских офицеров, сотрудников НКВД, научно-технической интеллигенции это не очень-то и катило – инспирированные сотрудниками Лациса проверки, как правило, заканчивались ничем, – то деятелям культуры контрразведчики нервов поистрепали изрядно. Почему так? Всё предельно просто. Дела военных сразу ложились на стол начальника Третьего главного управления НГБ (военная контрразведка) генерал-майора Ерандакова, человека Жехорского и компании. Нарком внутренних дел Александрович своих тоже в обиду не давал. Инженеров и учёных – а заодно и преподавателей вузов – тут же брал под крылышко председатель ВОК Ежов. А вот товарищ Луначарский перед людьми Лациса откровенно робел. Потому к концу 1919 года стал заметен отток деятелей культуры за рубеж. В январе 1920 года покинули Россию Мережковский и Гиппиус.

Правда, до того довелось увидеть Жехорскому «белую дьяволицу» ещё раз, может и последний...

**

Они пришли к нему прямо на работу. Когда Жехорскому доложили, что в приёмной дожидаются Гиппиус и Ахматова, он распорядился незамедлительно пригласить дам в кабинет и накрыть к чаю. Напрасно. Дамы приглашение присесть не приняли. Ахматова явно робела, пряталась за спиной у Гиппиус. Зинаида Николаевна была всё так же холодна, говорила чуть надменно, высоко держа голову.

– ...Последнее время, Михаил Макарович, в «пролетарской» прессе на наши с Анной Андреевной головы вылило немало ушатом помоев. Но мы пришли просить не за себя. Несколько дней назад был арестован супруг Анны Андреевны, Николай Гумилёв...

Жехорский слышал об этом впервые, чем был раздосадован, потому брякнул не подумавши:

– Насколько мне известно, муж, бывший?

Гиппиус окатила его ледяным взглядом.

– Это имеет значение?

– Нет, нет, – поспешил исправить оплошность Жехорский, – никакого значения сей факт не имеет. Расскажите поподробнее, как это произошло?

Выслушав сбивчивый рассказ Ахматовой, которая, судя по всему, сама мало что знала, Жехорский пообещал:

– Сделаю всё, что смогу!

Гиппиус кивнула:

– Надеюсь, Михаил Макарович, на этот раз вы поступите, как благородный человек! – Повернулась, и, не попрощавшись, направилась к выходу из кабинета.

Ахматова, смущаясь поведением товарки, пробормотала «До свидания» и устремилась следом за Гиппиус.

Дело Гумилёва осложнялось тем, что основания для ареста имелись. Во время мятежа, устроенного Добрармией на юге России, он служил в шифровальном отделе Генерального штаба, и подозревался в причастности к организованному там саботажу. Тогда следствие не собрало против него достаточно улик, и Гумилёв был всего лишь уволен с армейской службы. Теперь последовал повторный арест. Жехорскому пришлось приложить немало усилий, чтобы дело Гумилёва забрало себе Четвёртое главное управление НГБ (политический сыск), в котором у него были хорошие связи. К сожалению, до того поэт успел кое в чём признаться, и спустить дело на тормозах не представлялось возможным. Обо всём этом поведал Жехорский Ахматовой, когда та уже одна, без Гиппиус, вновь оказалась в его кабинете.

– И что теперь будет? – с тревогой спросила женщина.

– Будем рассчитывать на самый мягкий приговор, – ответил Жехорский. – Два года ссылки за пределы Центральной России с частичным поражением в правах.

Приговор был именно таким, как предсказал Жехорский. Николай Гумилёв покинул Петроград и отбыл на два года за Урал...

**

– Вы нас ещё не потеряли?

В комнату вошёл Глеб, следом Ольга с огромным блюдом в руках, на котором аппетитно поблескивала золотистой корочкой утка.

– А почему ещё не налито? – весело поинтересовалась Ольга.

Глеб тоже улыбался. От дурного настроения не осталось и следа.

Под утку серьёзных тем не обсуждали. Лишь когда всё было выпито и съедено, и Ольга вместе со взявшимся ей помогать Николаем принялись убирать со стола, Михаил спросил у Абрамова:

– Что собираешься предпринять в свете своих подозрений?

– Чувствую, Макарыч, в предательство Тухачевского ты не веришь, – произнёс Глеб. – Мне бы тоже не хотелось верить, что он может зайти совсем далеко. Но руководствоваться только эмоциями я просто не имею права. Да, ты правильно догадался: я собираюсь предпринять кое-какие меры, чисто для профилактики. Для этого я, как заместитель наркома обороны, организовал себе инспекционную поездку по всем военным округам и флотам. Завтра и отбываю.

– Хочешь проверить командующих на вшивость? – догадался Михаил.

– И это тоже, – кивнул Глеб. – Но с теми, кому доверяю, ещё и согласовать план совместных действий на случай возникновения чрезвычайной ситуации.

– Смотри не переусердствуй, – предупредил Михаил, – а то сам в заговорщики загремишь.

– Не учи отца детей делать, – усмехнулся Абрамов.

МЯТЕЖ

Июль 1920

Москва

Гостиница «Метрополь»

– Мишкин, прекращай киснуть. От одного твоего вида изжога может начаться, а мне ещё целый день в президиуме сидеть! – Перед тем как покинуть номер Маша оглядывала себя в зеркале. – Что тебя так сильно беспокоит?

Жехорский откликнулся с секундным запозданием, будто до него не сразу дошёл смысл вопроса.

– Беспокоит?.. А ты знаешь, беспокоит! Машунь, а что, если Ёрш и Васич правы?

– В чём? – Маша перевела взгляд со своего отражения на мужа.

– В том, что левые коммунисты во главе с Троцким и наши «леваки» Блюмкина, терпя поражение в дебатах на съезде Советов, могут отважиться на совместное вооружённое выступление!

– Переворот? – Маша подошла к мужу и положила ладони ему на плечи. – Мы ведь это уже обсуждали, и я готова повторить: Мишкин, это паранойя! Даже если у кого-то из названных тобой товарищей и бродит в голове подобная мысль, они не могут не понимать, что такая авантюра обречена на поражение. Ленин, Сталин и Киров со стороны коммунистов, и мы с Александровичем со стороны эсеров, никогда не допустим партийной поддержки подобного выступления. А без этого, сам понимаешь, сие неосуществимо! А на личный террор против нас они никогда не решатся – я неправа?

– Наверное, права, – неохотно согласился Жехорский.

– А раз права, – рассмеялась Спиридонова, – то хватит хмурить брови – пора на выход!

На улице, рядом с «Метрополем», их ждал автомобиль, дверца которого была предупредительно распахнута. Так полагалось, пусть до Большого театра, где проходил V Всероссийский съезд Советов, и пешком-то было всего ничего. По условиям безопасности посадка в автомобиль должна проходить быстро, без задержек. На этот раз всё происходило иначе. И вызвал заминку один из помощников Спиридоновой, который спешил к ней с каким-то срочным докладом. Председатель ВЦИК распорядилась пропустить порученца и выслушала его негромкое сообщение с каменеющим лицом. Потом повернулась к мужу.

– С Лениным ночью случился удар! Он срочно госпитализи...

Конец фразы заглушил первый выстрел. Михаил сгрёб Машу в охапку и повалил на землю, прикрывая своим телом. Он радовался каждой пуле, вонзающейся ему в спину, – лишь бы не ей! – и не расслышал за грохотом стрельбы слабого вскрика.

Всё было кончено в течение одной минуты. Охрана Спиридоновой и Жехорского положила всех нападавших, потеряв в перестрелке двух бойцов – раненые не в счёт. Окровавленных Жехорского и Спиридонову погрузили в автомобиль, и тот, отчаянным криком клаксона разгоняя встречных собратьев по колесу, помчался в ближайший госпиталь.

Гостиница ВЧК в здании на Лубянской площади

– То, что вы предлагаете от имени товарища Троцкого, либо провокация либо измена! – Дзержинский чеканил слова, глядя прямо в глаза собеседнику. – И пока я не выясню, что именно, вы будете находиться под домашним арестом!

Дзержинский взял со стола бронзовый колокольчик и позвонил. Вошёл адъютант.

– Проводите товарища к коменданту, – распорядился Дзержинский. – Пусть найдёт для него свободную комнату и выставит у дверей охрану. Покидать комнату до моего особого распоряжения ему запрещается!

Собеседник Дзержинского встал и осуждающе покачал головой.

– Напрасно, Феликс Эдмундович. Вы поступаете неразумно...

Известие о происшествии возле гостиницы «Метрополь» застало Дзержинского одетым – он как раз собирался покинуть номер. Сверкнув глазами, глава ВЧК и нарком государственной безопасности стремительно вышел за дверь и крупными шагами направился по коридору в сторону лестницы. Вскоре в той стороне прозвучали выстрелы...

Петроград

Петропавловская крепость

Небольшой смерч пронёсся по этажам и лестничным маршам комендатуры и преобразовался перед столом коменданта Петропавловской крепости Пяткова в генерал-майора НГБ.

– Я начальник Первого главного управления НГБ Бокий. – Генерал вещал отрывистым голосом, лицо его было мрачнее тучи. – В Петрограде вот-вот может вспыхнуть мятеж! Прикажете объявить по гарнизону тревогу и закройте все ворота!.. Вы с ума сошли?!

– Разберёмся, товарищ Бокий! – Пятков в одной руке держал наведённый на генерала маузер, а другой рукой жал кнопку вызова под столешницей. – Разоружите генерала от греха, – приказал комендант вошедшему в сопровождении двух бойцов адъютанту. – Так будет надёжнее, – незлобиво сказал, обращаясь к обезоруженному Бокию, Пятков. – А теперь будем разбираться: кто тут сошёл с ума.

Комендант покрутил ручку телефонного аппарата.

– Барышня, дайте 13—13... Спокойно, товарищ... – с лёгким укором дёрнувшемуся было Бокию.

– Товарищ Лацис? Это Пятков. Тут у меня в кабинете товарищ Бокий... Да... Понял... Есть исполнять!

– Ну вот, всё и прояснилось, – улыбнулся Пятков Бокию. – Вы арестованы! – И точно добавил бы «Ничего личного, товарищ», кабы знал такое выражение.

«Вот, Ёшкин каравай, и началось!» Ольга успела укрыться за углом, и теперь пережидала, пока мимо проведут арестованного Бокия. «Теперь главное – не опоздать!» Очутившись у себя в кабинете, начальник специальных курсов «Штык» полковник Абрамова первым делом объявила боевую тревогу и приказала раздать курсантам оружие и боекомплект. Только-только управилась, как прибыл посыльный от коменданта. Пятков требовал её к себе по «срочному делу».

– Буду, как штык! – заверила Абрамова, отсылая посыльного. Потом добавила: «И со штыками!» – это уже, разумеется, не вслух.

Захват комендатуры произошёл стремительно, для посторонних глаз незаметно. Даже часовой у входа пока ни о чём не догадывался. «Что умеем – то умеем!» – довольно кивнула короткому рапорту Ольга, потом переключила всё внимание на коменданта. Пугать людей до икоты, даже не прикоснувшись к ним, она умела профессионально. Глядя прямо в округлившиеся глаза Пяткова, заговорила особым свистящим полушёпотом:

– Скажи честно, Лёша, ты в чём-то, кроме ареста Бокия, отличиться успел?

Комендант нервно сглотнул и отрицательно мотнул головой.

– Это хорошо, – по-змеиному улыбнулся Ольга, – это очень хорошо. Есть шанс уцелеть. Теперь слушай сюда. Если не хочешь, чтобы я тебе *муди* прямо тут оторвала и твоей младшенькой подарила вместо погремушки, отвечай, Лёшенька, быстро и без утайки: кто ещё в крепости состоит в заговоре?..

Через несколько минут она вызвала в кабинет командира одной из комендантских рот, которому могла доверять. Тот прибыл быстро и вытянулся пред ней, не выказывая удивления от произошедших в комендатуре перемен: наслышан был про Ведьмины умения, лишь стрельнул глазами в сторону поникшего на стуле Пяткова.

– Сукой наш Лёша оказался, – сказала Абрамова, глядя прямо в глаза офицеру. Тот взгляд не отвёл, лишь кивнул. – Так что временно комендантом буду я, а ты моим заместителем. Вот этих, – Ольга протянула офицеру лист бумаги с признаниями Пяткова, – под арест! Полку – тревога. Ворота закрыть. Арестованного генерала сюда. Мои ребята будут тебе в помощь. Всё ясно?

– Так точно!

– Исполняй!

Когда через несколько минут в кабинет вошёл Бокий, там уже не было Пяткова, а на столе дышал кипятком стакан с чаем, рядом приветливо подмигивала сырно-колбасным взглядом тарелка с бутербродами.

– Проходи, Глеб Иванович, – голосом радушной хозяйки произнесла Ольга, – подкрепись. Чай, оголодал в неволе-то?

Бокий шутки не поддержал, присел к столу, на угощение и не взглянул.

– Что, всё так плохо? – посерьёзнела Ольга.

– Хуже некуда, Ольга Владимировна! Ленин госпитализирован в тяжёлом состоянии!

– Худо! – кивнула Ольга.

– Это ещё не худо... То есть худо, конечно, – поправился Бокий. – Но... – он поднял глаза на Ольгу. – В Москве убиты Дзержинский и Спиридонова, тяжело ранен Жехорский.

Ольга только на секунду прикрыла глаза, потом решительно поднялась.

– Пошли!

Путь их лежал на радиостанцию Петропавловской крепости. Там Ольга приказала дежурному радисту:

– Выходи в эфир и передавай открытым текстом: «Всем! Всем! Всем! Шторм! Шторм! Шторм!» Повторяй это сообщение каждые пять минут в течение часа!

Генеральный штаб

Заместитель начальника Генерального штаба, генерал-лейтенант Бонч-Бруевич, находился в комнате связи, куда прибыл сразу после того, как ему доложили содержание радиообращения, передаваемого с антенны Петропавловской крепости.

Вошёл адъютант начальника Генерального штаба. Генерала он приветствовал строго по уставу, но как-то вычурно, с толикой шутовства, что ли. Адъютант передал дежурному офицеру бланк радиogramмы, и от имени Тухачевского потребовал незамедлительно отправить сообщение по адресам. Офицер бросил мимолётный взгляд на Бонч-Бруевича. Генерал чуть заметно кивнул. Офицер передал бланк оператору, а сам прошёл в примыкающую к комнате связи аппаратную, где отключил передатчик от антенны. Понятно, что сообщение хотя и было передано, но куда дальше комнаты связи не ушло. Адъютант про то знать не мог, потому покинул помещение с чувством исполненного долга.

Бонч-Бруевич уже в своём кабинете читал доставленный из шифровального отдела оригинал сообщения. Текст радиogramмы гласил:

«Всем штабам военных округов, флотов, отдельных частей и соединений. По получении сего предписания приказываю: незамедлительно взять под усиленную охрану все объекты, расположенные на вверенной территории, по спискам 1, 2 и 3. Об исполнении доложить. Нарком обороны Троцкий, начальник Генерального штаба Тухачевский».

Бонч-Бруевич достал носовой платок, промокнул лоб. Потом подсел к столу, и, регулярно обмакивая перо в чернила, набросал текст радиogramмы. Вызвал адъютанта. Вручил сложенный пополам лист бумаги.

– Зашифруйте, голубчик, моим шифром и бегом к связистам!

Когда за адъютантом закрылась дверь, подтянул к себе телефон.

– Ежов слушает!

– Николай Иванович, это Бонч-Бруевич. Вы в курсе последних событий?

– В общих чертах. Про Москву и Петропавловку я знаю.

– Тогда я ставлю вас в известность о том, что происходит в Генеральном штабе...

Ежов слушал генерала не перебивая.

... – Сейчас Тухачевский выехал к вам.

– Спасибо, Михаил Дмитриевич, вы всё делаете правильно. До ответа Абрамова решительных действий не предпринимайте. Предупредите Слащёва.

После того как прошёл «отбой» генерал вызвал новый номер.

– Слащёв у аппарата!

– Здравствуйте, Яков Александрович! Это Бонч-Бруевич.

– Слушаю!

Бонч-Бруевич чуток растерялся, потом до него дошло.

– Вам неудобно говорить?

– Так точно!

– Тогда говорить буду я, а вы слушайте. Петропавловская крепость уже около часа передаёт штормовое предупреждение. Понимаете?

– Да!

– А некоторое время назад была предпринята попытка передать с антенны Генерального штаба следующее сообщение... – Бонч-Бруевич зачитал Слащёву приказ Троцкого. – Всё, как и предсказывал Абрамов. Я это сообщение пока придержал, а в адрес Абрамова только что отправил радиogramму. Надеюсь, что он ответит быстро. Пока будем тянуть время. Вы с нами?

– Так точно! Будет исполнено!

Командующий войсками Петроградского гарнизона генерал-майор Слащёв положил трубку. Повернулся к офицеру из окружения Тухачевского, который уже давно «пасся» у него в кабинете и всё время телефонного разговора держал руку в районе кобуры.

– Всё в порядке, полковник! – Слащёв заставил себя непринуждённо улыбнуться. – Генеральный штаб подтвердил приказ наркома. По гарнизону незамедлительно будет объявлена тревога!

Район учений войск Центрального военного округа

Сталин встретил Абрамова недовольным ворчанием:

– Товарищ Абрамов, долго мне ещё сидеть в этой душегубке?

В купе командующего Центральным военным округом действительно было душно. Стояла середина июля, и от дневного зноя не спасало даже то, что штабной поезд был загнан в тупик, с двух сторон затенённый кронами растущих по обе стороны колеи деревьев.

– Собирайтесь, Иосиф Виссарионович! – решительно сказал Абрамов. – Будем переселять вас в палатку. Сохранять далее ваше пребывание втайне, я думаю, не имеет смысла!

Сталин насторожился.

– Есть новые сообщения из Москвы?

– Нет, – Абрамов чуть нахмурился. Утренние сообщения из Белокаменной рвали сердце на части, – но есть радиограмма из Генерального штаба.

Он протянул Сталину бланк. Тот прочёл и посмотрел на Глеба со знаменитым «сталинским» прищуром.

– Вы считаете, Бонч-Бруевичу можно доверять?

– Я в Михаиле Дмитриевиче абсолютно уверен!

– Что ж, – Сталин взял со стола трубку, но раскуривать не стал. – Тогда то, что затевают Троцкий и Тухачевский, военный переворот, я правильно понимаю?

– Именно так, Иосиф Виссарионович! Они хотят показать, что обладают неоспоримой военной силой, и под тяжестью этого аргумента заставить съезд Советов принять угодные им решения.

– Тогда, – Сталин взмахнул трубкой, – мы тоже будем действовать жёстко, если понадобится, даже жестоко! С чего вы предлагаете начать?

Абрамов открыл папку, которую до того держал в руке, и положил перед Сталиным на стол лист бумаги. Тот прочёл, не беря бумагу в руки, потом посмотрел на Абрамова.

– Скажите, Глеб Васильевич, вы что, настолько были уверены в мятеже, раз предприняли превентивные, как вы их называете, меры?

– Я вовсе не был в этом уверен, – Абрамов не уводил глаза из-под пристального взгляда Сталина, – но как человек, ответственный за безопасность в центральной части России, просто обязан был такую возможность предусмотреть. Сложившаяся накануне съезда политическая обстановка прямо на это указывала!

– Вы верно поступили, товарищ Абрамов. – Сталин скрепил подписью документ. – Действуйте!

Петроград Штаб Слащёва

– Товарищ генерал-майор, – порученец Тухачевского разве что не брызгал слюной, – почему вы распорядились блокировать здание НГБ?

– Как это почему? – удивился Слащёв. – Во исполнение приказа наркома обороны, скрепленного подписью Тухачевского, вашего, кстати, непосредственного начальника.

– Вы издеваетесь?!

– Никоим образом, – пожал плечами Слащёв. – В приказе чётко определены объекты, которые надлежит взять под усиленную охрану. В списке №1 среди прочих наркоматов значится и Наркомат государственной безопасности.

– Взять под охрану не значит блокировать. – Щёки полковника стали белее снега. – В наркомат никого не пропускают, оттуда никого не выпускают и там отключены телефоны. Немедленно отдайте приказ восстановить телефонную связь и снять блокаду!

Слащёв надменно вскинул голову.

– Я, полковник, действую в строгом соответствии с полученным приказом, как я его понимаю. Если я его понимаю неверно, то меня могут поправить лишь мои непосредственные начальники, но не вы. Покажите мне приказ за подписью Троцкого, и я его незамедлительно исполню.

– Но Троцкий в Москве, – с бессильной злобой в голосе произнёс полковник.

– Хорошо, – признал аргумент Слащёв, – под приказом стоит ещё и подпись Тухачевского. Пусть он мне прикажет.

– Связь с Тухачевским потеряна, – угрюмо сказал полковник.

– Вот что, милейший, – раздражённо произнёс Слащёв. – Чья это, в конце концов, проблема – моя или ваша? Чем путаться у меня под ногами, лучше подите поищите своего начальника!

Полковник скрипнул зубами, но возражения на ум не шли. Направляясь к двери, он бросил через плечо:

– Вы за это ответите, генерал!

– Если и да, то не перед вами! – парировал Слащёв.

Здание ВОК (Всероссийская Оборонная Комиссия)

Тухачевского сгубила гордыня, густо замешенная на тщеславии – или наоборот, если вам будет угодно. А иначе чего бы он сначала по уши завяз в заговоре Троцкого, которого, между нами, не сильно-то и жаловал, а теперь вознамерился лично привести к знаменателю самую значимую из оставшихся на сей день в столице фигуру: председателя ВОК Ежова, личность загадочную, влиятельную, и, по совокупности, опасную. Ну, должно это было его (Тухачевского) хотя бы насторожить – но нет. Поднялся по ступеням, и, сопровождаемый личным конвоем, вошёл в вестибюль, как к себе домой, где их тут же окружили люди в чёрном – любимый цвет спецназа НГБ.

«Однако! Быстро Лацис подсуетился», – подивился начальник Генерального штаба и тут же поделился мыслью с командиром спецназовцев. Тот страшно удивился, но маска на лице скрыла это от Тухачевского. А командир спецназовцев уже взял себя в руки и подтвердил: да, мол, они выполняют распоряжение товарища Лациса.

– ... Но дальше вас будут сопровождать мои люди, а ваши пусть подождут здесь.

Тухачевский лишь пожал плечами, отдал короткий приказ и направился к лестнице, с которой начинался путь к кабинету Ежова.

В приёмную наркома вошёл в сопровождении людей в чёрном и проследовал прямо в кабинет, небрежно отодвинув бросившегося было на перехват адъютанта.

Во взгляде, которым встретил его Ежов, Тухачевский не обнаружил ни растерянности, ни раздражения – одно лишь стоическое терпение.

«Хорошо держится», – не мог не отметить Тухачевский. Он выхватил от стола ближний к месту Ежова стул. Не спрося разрешения хозяина кабинета сел. Закинул ногу на ногу, сверкнув начищенным до зеркального блеска сапогом. Достал портсигар. Поискал глазами пепельницу, не нашёл, взял со стола чистый лист бумаги, ловко свернул его в нечто, напоминающее чашку, поставил творение рук своих рядом с собой и закурил.

Ежов молча встал, подошёл к окну и отворил форточку, куда сразу устремился табачный дым. Вернулся на место и стал терпеливо ждать, пока папираса будет докурена. Когда окурочился в самодельной пепельнице, сказал:

– Покурили? Теперь либо говорите, чего вам тут надо, либо убирайтесь вон!

Но Тухачевский, который чувствовал себя хозяином положения, лишь усмехнулся.

– Ну, что вы, право, Николай Иванович, стоит ли так горячиться? Впрочем, извольте...

И начальник Генерального штаба разразился спичем, в котором, отдав должное таланту и заслугам хозяина кабинета, предложил оному либо присоединиться к начавшейся в стране «истинно пролетарской революции», либо... Тут Тухачевский красноречиво замолчал, предоставив визави возможность самому додумать негативные для себя последствия.

Ежов, выслушав со всем вниманием, сказал:

– Всё, что вы сейчас изложили, крайне интересно. Непонятно одно: почему мятеж именуется революцией?

В глазах Тухачевского промелькнула злоба, которая с языка слетела уже издёвкой:

– Я не стал бы увлекаться терминологией на месте человека, чья приёмная захвачена спецназом!

– Разве? – удивился Ежов. – Сейчас проверим! – И вызвал секретаря.

Когда тот вошёл и прикрыл за собой дверь, самодовольство на лице начальника Генерального штаба сменилось беспокойством.

– Что там «захватчики»? – спросил Ежов.

– Пьют чай, ждут указаний, – коротко ответил секретарь.

– Как видите, – чуть раздвинул губы в улыбке Ежов, – спецназ есть не только у товарища Лациса. Кстати, его люди в настоящий момент блокированы войсками Петроградского гарнизона, во исполнение вашего, между прочим, приказа.

Тухачевский попытался встать, но Ежов уже навис над ним, опершись обеими руками на стол. «Сядьте!» в его исполнении прозвучало хлётко, как револьверный выстрел. Лёгшая на плечо рука адъютанта помогла выполнить приказ. Ежов тоже вернулся на место.

– Сдайте оружие, генерал! – приказал Ежов, так же достаточно категорично, но на полтона ниже.

Когда оружие Тухачевского перешло к адъютанту, Ежов распорядился совсем буднично:

– Организуй-ка и нам чайку!

– Вам это не поможет! – Тухачевский был бледен, но пытался хорохориться.

– Чай? А *чѐ* ж он мне не поможет-то? – с нескрываемой иронией произнёс Ежов.

Тухачевский насупился.

– Может, хотите подискутировать? – поинтересовался Ежов. – А почему нет? Давайте!

Время терпит.

Генеральный штаб

Когда перед ним одна за другой легли радиограммы из ставки командующего Центральным военным округом, заместитель начальника Генерального штаба впервые за день расправил плечи. А уже через несколько минут во все уголки России полетели радио- и телефонограммы.

«Всем! Всем! Всем! В связи с болезнью Председателя Совета Народных Комиссаров товарища Ульянова (Ленина) В. И., и в соответствии со статьёй 56 Конституции России, обязанности Председателя Совета Народных Комиссаров исполняет зам. пред. Совнаркома товарищ Сталин И. В., вплоть до решения Съезда Советов по данному вопросу...»

«... О кадровых назначениях в руководстве Наркомата государственной безопасности и Всероссийской чрезвычайной комиссии по делам государственной безопасности... В связи с гибелью наркома ГБ и председателя ВЧК товарища Дзержинского, назначить исполняющим обязанности наркома ГБ и председателя ВЧК товарища Ежова Н. И...»

«... О кадровых перестановках в руководстве Наркомата обороны и Генерального штаба... Отстраняется от занимаемой должности нарком обороны товарищ Троцкий Л. Д. Исполняющим обязанности наркома обороны назначается генерал армии Абрамов Г. В...»

«...Отстраняется от занимаемой должности начальник Генерального штаба генерал-полковник Тухачевский М. Н. Исполняющим обязанности начальника Генерального штаба назначается генерал-лейтенант Бонч-Бруевич М. Д...»

Кабинет Ежова

Дискуссия между Ежовым и Тухачевским была в самом разгаре, когда в кабинет вошёл адъютант. Он положил бланки телефонограмм на стол перед начальником, сам встал в стороне на случай возможных указаний. Ежов прочитал, потом перебрал бланки Тухачевскому.

– Вот вам мои последние аргументы! – И продолжил с досадой в голосе: – Эх, Михал Николаевич, Михал Николаевич... а ведь маршалом могли стать! – И адъютанту: – Вызывай конвой!

Штаб Слащёва

Ежов, Слащёв и Абрамова склонились над картой Петрограда, которой мало было столешницы: края чуть обвисали.

– Очаги сопротивления находятся здесь, здесь, здесь, здесь и здесь. – Слащёв отмечал красными фишками места на карте. – Правда, везде пока только митингуют, а вот тут, – Слащёв поставил рядом с одной из фишек ещё одну, – уже стреляют.

– Здание НГБ? – уточнил Ежов.

– Точно так! Прикажете ввести в дело войска?

– Не прикажу, – отрицательно покачал головой Ежов. – Войска исключительно для блокады. Туда уже отправился Бокий. В его распоряжение поступает весь лояльный нам спецназ, а это трёхкратное превосходство над людьми Лациса – справятся; дело семейное и решать его будем по-семейному!

– Как скажете, – коротко кивнул Слащёв.

В кабинет стремительно вошёл председатель Петроградского Совета и Первый секретарь ЦК РКП Киров.

– Здравствуйте, товарищи! – произнёс он, направляясь к столу.

– Ты как здесь? – спросил Ежов, пожимая Кирову руку.

– С неба свалился, – без улыбки ответил Киров. И тут же пояснил: – Как ЭТО началось, я сразу на аэродром.

– Что в Москве? – спросил Ежов и добавил: – Про Феликса и Машу с Мишей мы знаем.

– А связи разве нет? – удивился Киров. – Я, честно говоря, от вас новости узнать рассчитывал.

– Связи нет уже несколько часов, – вздохнул Ежов. – Телефон молчит, а в эфире сплошные помехи, видно, глушат друг друга.

– Ясно. – Киров взглядом обвёл присутствующих. – Худо в Москве, товарищи. Можно сказать, паршиво! Троцкий и компания прямо с начала утреннего заседания съезда Советов попытались провести резолюцию о передаче им всей полноты власти в стране. Когда не вышло – покинули зал заседаний. Сразу после этого пошёл слух, что в город входят латышские стрелки в помощь московским гэбистам, которые выступили на стороне Троцкого со товарищи. – Киров сокрушённо покачал головой. – А я ведь, как и многие, до конца верил, что леваки (наши и эсеровские) не только не выступят с оружием против своих, но и объединятся-то не сумеют! Э, да что там говорить...

– Кто в Москве противостоит мятежникам? – спросил Ежов.

– Александрович с отрядами милиции.

– А войска? – поинтересовался Слащёв.

– Гарнизон Кремля – однозначно за нас. Про остальных мне ничего не известно. Да. Кремль. Как раз перед моим отъездом было принято решение о переносе съезда на территорию Кремля.

– Логично, – одобрил Ежов. – Это, я думаю, позволит продержаться до подхода основных сил. Абрамов, не сомневаюсь, уже идёт к Москве!

– Я тоже так думаю, – кивнул Киров. – А нам надо очистить от мятежников столицу. Доложите обстановку, – попросил он Слащёва.

Тот повторил всё, что недавно доложил Ежову и Абрамовой.

– Митингуют, говорите... – задумчиво произнёс Киров, глядя на фишки. – Вот и славно, а мы к ним своих агитаторов направим, и немедля! Товарищ Слащёв, у вас в штабе найдётся свободное помещение?

– Найдётся, – не совсем понимая, куда клонит Киров, осторожно ответил генерал.

– Отлично! Я, товарищи, хочу разместить свой штаб – и по линии Совета, и по партийной линии – прямо здесь, чтобы оперативно реагировать на изменения в обстановке. Куда идти, товарищ Слащёв?

Генерал вызвал адъютанта и отдал соответствующие распоряжения. Когда Киров и адъютант покинули комнату, Слащёв, Абрамова и Ежов вернулись к карте.

– Вот что меня сейчас беспокоит больше всего. – Слащёв приподнял свесившийся верхний край карты.

– Кронштадт? – спросил Ежов.

– Да...

Ежов кивнул, а Абрамова нахмурилась. Кронштадт, ещё утром передавший воззвание Центробалта за подписью Дыбенко, содержащее призыв поддержать мятежников, молчал. Летом окружённая фортами морская крепость была неприступна.

– Какими силами располагает Кронштадт? – спросил Ежов.

– Помимо гарнизонов фортов, ещё только комендантский полк, – сказал Слащёв.

– Добавьте сюда курсантов Морского учебного центра, и всех, кто по той или иной причине оказался на берегу, – вот вам ещё полк! – поправил его Ежов.

– Принимается! – кивнул Слащёв.

– А корабли?

– Почти весь флот сейчас или в море, или на других базах, – доложил Слащёв. – В Кронштадте остались в основном те корабли, что стоят на консервации. На ходу несколько эсминцев и крейсер «Аврора», которые находятся на боевом дежурстве.

Зазвонил телефон. Слащёв снял рубку. Выслушав начало доклада, потянул провод к столу, и, изредка бросая в трубку короткие фразы, стал расставлять на карте фишки зелёного цвета. Ежов и Абрамова с тревогой следили за его действиями. Вскоре зелёные фишки окружили центр города. Беспокойство возросло после того, как Слащёв отдал приказ: «Развести мосты!». Кончив говорить, генерал поставил аппарат прямо на карту и оперся руками на стол.

– Что это? – спросила Абрамова, показывая на зелёные фишки.

– Колонны демонстрантов, – ответил Слащёв. – Идут под лозунгами «Долой соглашателей!» и «Да здравствует Пролетарская революция!»

– Сколько их? – спросил Ежов.

– По приблизительным подсчётам, тысяч тридцать.

– Надо сообщить Кирову, – сказала Абрамова.

– Ему доложат, – кивнул Слащёв. – Что делать будем?

– Ничего, – пожал плечами Ежов. – Те, кто не сможет пройти в центр города, пусть митингуют у мостов.

– А кто сможет?

– А тех, кто сможет, – ответила Слащёву Абрамова, – надо аккуратненько выводить на Марсово поле. Там места много, там и будем гасить пожар.

– Хороший план, – одобрил Слащёв. – На чердаках зданий по периметру площади следует установить пулемёты, а ещё... – Генерал осёкся под тяжёлым взглядом Абрамовой.

– Может, мне тебе кой-чего прищепить? – задумчиво спросила Ольга. – Чтобы всякая хренотень в голову не лезла?

Слащёв от растерянности только и вымолвил:

– Однако! – и посмотрел на Ежова, ища у него поддержки, но тот лишь развёл руками.

– Ладно, генерал, не обижайся. Насчёт прищепить я пошутила, – примирительным тоном произнесла Ольга. – Но стрелять в народ и думать забудь!

– Да я, собственно, и не думал, – начал Слащёв. – Имелось в виду...

Телефон зазвонил вновь, и что у генерала «имелось в виду», так и осталось невыясненным.

Слащёв выслушал сообщение молча, шумно выдохнул и положил трубку на аппарат медленно и осторожно, словно была она из хрусталя.

– Что ещё? – забеспокоился Ежов.

– Звонили из Зимнего. К Дворцовому мосту подошёл эсминец. Требуют свести мост.

– Едем! – Ежов кинулся к двери, Ольга за ним.

Возле Дворцового моста

Воспарившая над Невой чайка раскрыла клюв от удивления. Вот те нате! То, что творилось по обе стороны Дворцового моста, вполне могло служить иллюстрацией к учебнику «Новейшей истории России», когда бы речь шла о годе 1917, но для года 1920...

Так что там увидела наша чайка?

Стрелка Васильевского острова радушно предоставила себя демонстрантам и почти вся скрылась под колышущимися знамёнами и транспарантами. По другую сторону Невы Дворцовая и Адмиралтейская набережные предпочли военных, которые многократно уступали демонстрантам по численности, но, понятное дело, значительно превосходили их организованностью и дисциплиной. Дворцовому мосту всё это, очевидно, сильно не нравилось. Иначе зачем бы он отгородился от супротивников поднятыми «ладонями» разводного пролёта? Он бы так и дальше стоял, ему было нетрудно, но такую позицию не одобрил недавно подошедший из Кронштадта эсминец «Справедливый», который настоятельно советовал мосту: «Ты ладошки-то опусти, опусти!»

Именно это и видела глупая птица чайка. Давайте оставим её в покое, спустимся с небес на землю и посмотрим на события глазами полковника Абрамовой.

Ольга

Ёшкин каравай! Эти черти полосатые, что снуют по палубе и надстройкам эсминца, вполне могут порушить поддерживаемое разведёнными пролётами Дворцового моста равновесие, ибо невесть что думают, неизвестно кому подчиняются, а главное, ни хрена не хотят слушать! Всё это я узнаю от осипшего морского офицера в чине капитана 3 ранга, который от имени Главного морского штаба пытается с помощью рупора вести переговоры с мятежниками – а кто они ещё? – прямо с плавучей пристани, что возле Адмиралтейства.

– Какие последние флотские новости? – интересуюсь, значит.

– Из Гельсингфорса передали...

– Из Хельсинки, – поправляю я.

– Ну да. Никак не могу привыкнуть. Из Хельсинки передали, что на всех базах флота ситуация находится под контролем, за исключением крепости Кронштадт.

– А там что?

Моряк жмёт плечами.

– По тем сведениям, которыми мы располагаем, большая часть личного состава осталась верна присяге, но и у Дыбенко немало сторонников.

Объяснил, значит. Ни черта они толком не знают в своём штабе!

Подбегает матрос и передаёт офицеру бумагу. Тот читает и хватается за рупор, но я его придерживаю.

– Позвольте полюбопытствовать?

Офицер неохотно – плевать я хотела на его охоту! – тянет бумагу. Ого! Воззвание Центробалта, переданное из Хельсинки, в котором говорится о смещении Дыбенко с поста председателя Центробалта и содержится призыв ко всем морякам прекратить бузу. Офицер тянется за бумагой, но я ловко прячу руку с листом за спину, а другой рукой хватаюсь за рупор.

– Позвольте! Я должен донести содержание возвания до команды эсминца, – слабо сопротивляется моряк.

– Да вы посмотрите на себя, – улыбаюсь мягко, почти по-матерински. – Какой из вас теперь доносчик? Совсем голос потеряли. Вы тут пока отдохните, а с матросиками я сама поговорю!

Недолго морячок сопротивлялся, и я, вооружившись помимо возвания ещё и рупором, направляюсь к мосту. Дохожу до поднятого пролёта. Отсюда палуба корабля ближе, чем с берега. Можно не сильно напрягать связки.

– Я комендант Петропавловской крепости полковник Абрамова! У меня дело к вашему командиру.

С палубы долетает:

– Смотри, баба в форме!.. Какая баба – Ведьма это! Зови старшего!

А я, кажется, и вправду популярна. Приятно, Ёшкин каравай! А главное, для дела полезно.

Вскоре на бак (нос корабля) выходит морячок, в том же прикиде, как и у остальных, но с рупором в руке.

– Чего надо? – Вот хамло!

– Да вот, с командиром поговорить хочу.

– Недосуг ему, барышня, со мной говори!

Улыбается гадливо, остальные гогочут – скоты! Не иначе и этим в «недосуге» суки мерещатся. Ясно. Командир арестован – хорошо, если не убит. Офицеры, похоже, тоже вне игры.

– По чьему приказу прибыли?

– По приказу председателя Центробалта товарища Дыбенко! И вот что, барышня, устали мы вести переговоры – или опускайте мост, или открываем огонь!

– Из этой *пукалки*, что ли? – Киваю на носовое орудие.

– *Ничё!* – злиться моряк. – Тебе четырёх дюймов с лихвой хватит. Жажнет так, что мама не горюй!

– А у меня, – я мотнула головой куда-то назад, надеюсь, что в сторону Петропавловской крепости, – в готовности орудий числом поболее вашего, да и калибром покрупнее, это как?

Моряк хмурится.

– Через мост не достанет.

– Гаубица достанет, – заверяю я. – Один залп моих «малюток» – и ваше корыто начнёт пузыри пускать.

– Ты, вот что, – уверенности в голосе моряка поубавилось, но ещё хорохорится, – ты нас не *пужай* – *пужанье!*

– Так разве ж я вас пугаю? – Голос мой звучит теперь ласково и успокаивающе. – Я ж к вам со всей душой. Вот возвание от Центробалта принесла. – Зачитываю возвание. – Так что, братья-матросы, Дыбенко вам больше не указ, и, значит, пришла вам пора вертаться на базу!

На баке спорят. Потом «старшой» кричит в рупор:

– Может, ты эту бумагу сама написала, *откеда* нам про то знать? Чем докажешь, что бумага подлинная?

Рядом со мной останавливается посыльный матрос, докладывает:

– «Аврора» вошла в Неву!

Фу-у-у! Ну, наконец-то!

– Доказательство у вас за кормой. Смотрите не обделайтесь!

Казалось, крейсер сейчас протаранит эсминец, но обошлось, застопорил в кабельтове. С мостика «Авроры» прошла команда:

– На «Справедливом»! Кончай бузу. Флаг спустить, пушки, пулемёты зачехлить, штормтрап с правого борта подать!

На этом поход эсминца «Справедливый» на Петроград, можно смело сказать, завершён.

Ставка и. о. наркома обороны Абрамова

Штабной поезд простучал колёсами на выходных стрелках, указывающих на Петроград. На этот раз без него. Абрамов остался на перроне. В поезде укатил Сталин, которого ждала столица. Негоже граду стольному во времена смутные без хозяина пребывать, пусть и временного.

Мда... Скажи ему кто тогда, сто лет вперёд (хотя уже и меньше), что он своими руками откроет перед Сталиным дверь в кабинет верховной власти... Да что там «тогда»! Скажи кто об этом ещё год назад – получил бы жёсткую отповедь.

«Но тогда было тогда, а теперь...»

– Товарищ генерал армии, Военный совет по вашему приказанию собран!

Абрамов кивнул и направился к выходу с перрона.

**

– Здравствуйте, товарищи! Прошу садиться. – Абрамов прошёл к своему месту, оглядел членов Военного совета. – А где Крыленко?

Подошёл начальник контрразведки, доложил негромко, только для него:

– Комиссар армии Крыленко полчаса назад пытался выехать в войска. Согласно вашему приказу мы эту попытку пресекли. В настоящий момент товарищ комиссар пытается организовать митинг в комендантском полку.

– И как успехи?

Половник пожал плечами.

– Приказа препятствовать не было. Поэтому все свободные от службы собраны в указанном Крыленко месте. Слушают...

– Добро! – кивнул Абрамов. – Пойдём и мы послушаем! Товарищи, – обратился командующий к членам Военного совета, – прошу меня извинить, но вам придётся подождать ещё некоторое время.

Вышел в сопровождении контрразведчика. По дороге к ним присоединился взвод личной охраны командующего.

Митинг проходил тихо. Связки рвал один Крыленко. При виде Абрамова прошла команда «Становись!». К импровизированной трибуне, где одиноко стоял набычившийся Крыленко, командующий прошёл сквозь строй замерших по стойке смирно солдат и офицеров. Поднялся к комиссару. Встал рядом. Негромко спросил:

– Что с тобой, Николай Васильевич? Вроде не дурак, а пытаешься комендантский полк совратить. Или это от безысходности? Ладно, молчи... – Абрамов обратился к полку: – Това-

рищи! Час назад получено постановление съезда Советов, которым он подтвердил полномочия товарища Сталина. Троцкий, Тухачевский, и все, кто их поддерживает, объявлены мятежниками!.. Разойтись! – Абрамов повернулся к Крыленко. – Сдай оружие, бывший товарищ...

Москва

«Мятеж не может быть удачен, тогда бы звался он иначе»...

По Москве угрюмые рабочие разбирали баррикады. Сами возвели, сами убрали – всё по понятиям. Их никто не сторожил и не подгонял. Власть, победившая очевидно, не спешила чинить расправу над заблудшими пролетариями. Главное – поняли, что были неправы. Нет, потом самых активных крикунов заберут и накажут, но не строго: годик-другой принудительных работ. А *чѐ*? Судимости нет, свежий воздух, режим хоть и строгий, но не тюремный же. Работа, правда, тяжѐлая, но и не на износ. Пайка приличная, и денежки кое-какие капают. Рабочему человеку перетерпеть можно. Зато и вину искупишь и мозги проветришь! Так что нужное понимание на лицах рабочих, разбиравших баррикады, читалось, но на душе всё одно было пакостно. Лишь изредка на хмурых лицах мелькали злорадные ухмылки. Это когда слышалась отдалѐнная стрельба. Догадывались рабочие, что выстрелы имеют прямое отношение к тем, кто в их рабочую душу нагадил, совратил честных работяг с пути истинного.

Скажите, ёрничаю? Есть немного. Недолюбливаю говорунов всех цветов и мастей, уж извините...

А стреляли вот по какому случаю. Питерские гэбисты гонялись за гэбистами московскими. Кабы кровь при том не лилась, так и посмеялся бы над таким курьѐзом.

Те, кто хотел сложить оружие – уже сложили. Остальных пришлось отстреливать. Армия в разборке участия не принимала. Латышские стрелки, которые на первых порах поддерживали мятеж, как прознали про то, что Абрамов ведѐт к Москве войска, враз оставили позиции (в том числе сняли осаду с Кремля) и стройными колоннами ушли в казармы, где, заняв круговую оборону, настороженно ждали развязки. Потому армия в город входить не стала, ограничившись до поры тем, что плотно запечатала его по периметру. Зачисткой Москвы от мятежников занялся питерский спецназ, который привѐл Бокий. Мал по малу стрельба утихла. Окраины вздохнули с облегчением, а в центре города установилась сторожкая тишина. Последним оплотом мятежников стало пресловутое здание на Лубянской площади.

Бокий и его командиры сгрудились над планом здания и прилегающих к нему улиц. Вопрос стоял не в том, как брать чѐртов дом: после лёгкой артподготовки штурмовые колонны, сосредоточенные на прилегающих улицах, врываются в здание, дальше – дело техники. Бокий пытал командиров: как обойтись без штурма? Дело в том, что в здании, помимо мятежников, находилось немало заложников. «Ни к чему нам, товарищи, превращать очистительный душ в кровавую баню!» Это, видно, близость знаменитых Сандунов, где прошедшей ночью удалось слегка расслабиться (ничего лишнего, ей-богу!), навеяла Бокию банную риторику. Никто даже не улыбнулся, лишь поперечные морщины глубже взбороздили чекистские лбы. Наконец один из командиров отважился на речь. «Думаю я, что многие из мятежников глубоко осознали не только безысходность своего положения, но и несправедность своего поведения...» Командир умолк. Пришлось Бокию его подстегнуть: «И что?» – «А то, – востропел командир, – есть среди сторонников Блюмкина несколько толковых ребят, совсем не врагов, моих, кстати, хороших знакомцев. Вот я и думаю, может, мне с ними потолковать? Вот только что я могу им пообещать?» Все взгляды устремились на Бокия. А тот взял и объявил перерыв. Ну не мог он самостоятельно принять нужное решение. Потому, когда все разошлись, засел в комнате связи. Сопровождение возобновилось через четыре часа. Бокий сразу обратился к инициатору перегово-

ров с мятежниками: «Полного прощения мы им обещать не можем. Да они бы в это и не поверили. Ты ведь и сам не дурак, чтобы в такое верить, правда? Но смягчение приговора можешь обещать твёрдо! Можешь также намекнуть, что если кто не замарался в уголовщине, то вполне может отделаться дисциплинарным взысканием».

Ночью прошли переговоры, а к утру дом на Лубянке был зачищен от мятежников. Жертв было немного, хотя без выстрелов не обошлось. Так, Блюмкина врасплах застать не удалось. Пришлось положить всю его охрану. Сам Блюмкин имел время, чтобы застрелиться, но не сделал этого, и был арестован.

**

Армия в Москву всё-таки вошла. Необходимо было решить вопрос с латышскими стрелками.

Блокада казарм Латышской дивизии прошла без выстрелов с обеих сторон. После того как кольцо замкнулось к КПП чётким шагом направились два молодых офицера. Невозмутимо дежурному доложили: «Сообщите командиру дивизии, что на КПП его ждут представители Наркомата обороны!» Вскоре на КПП прибыл подтянутый полковник, представился: «Временно исполняющий обязанности командира Латышской дивизии полковник Калниньш! С кем имею честь?» – «Майор Рокоссовский!» – «Капитан Жуков!» – представились офицеры. После этого Рокоссовский вручил полковнику пакет. Тот сломал печать, достал лист бумаги, прочёл. В лице при этом не изменился, видимо, ждал чего-то подобного. Спросил, обращаясь к Рокоссовскому: «На словах что-то добавить имеете?» – «Да. Машины будут подаваться на площадку перед КПП. Погрузка побатальонно, без оружия. Но до того должны быть выданы зачинщики мятежа, согласно представленному списку!» Полковник кивнул: «Пойдёмте!» В дальнем конце плаца у каменной стены казармы лежали несколько трупов. В одном из расстрелянных Рокоссовский опознал бывшего командира дивизии Лациса – и почему людей с этой фамилией так тянуло в заговорщики? «Забирайте!» – сказал полковник. Рокоссовский и Жуков молча взяли под козырёк, повернулись и направились в сторону КПП.

Кронштадт

В Кронштадт Ежов пришёл на «Авроре». Питер затих, и держать крейсер в Неве нужды более не было. Сталин к его идее лично усмирить мятежную крепость отнёсся неодобрительно. Спросил ворчливо: «Ты что, Шишко не доверяешь?» Получив ответ «Доверяю!», недоумевал: «Зачем тогда туда лезешь? Не много ли чести для матросов, чтобы их сам нарком к порядку приводил?» Ежов терпеливо объяснил: «Честь по чести. Кронштадтцы заслужили, чтобы власть отнеслась к ним с почтением». Сталин усмехнулся в усы: «Я и забыл. Ты же у нас человек почтенный. Как-никак, за сто лет перевалило. – Махнул рукой: – Ладно, поезжай, коли считаешь это правильным. – Уже в спину добавил: – Смотри, голову там не оставь!» Ежов заверил: «Не оставлю!»

Николай всё рассчитал правильно. В Кронштадте его знали, помнили, потому встретили хоть и хмуро, но не зло. Заявили сразу: «У нас мятежников нет, только бузотёры!» – «Так уж и нет?» – жёстко спросил Ежов. Замялись. Отвели глаза. Потом неохотно сознались: «Есть маленько. Там» «Там» – это за береговой линией, в море, где на маленьком острове возвышается форт «Император Павел I». В нём засели главари мятежа, в том числе Дыбенко. Ежову сказали: «Этих бери и делай с ними, что хочешь, но с остальными бузотёрами мы разберёмся сами!» Ежов тряхнул головой: «Ни хрена, братишки, не выйдет! Есть закон – по нему и решим. Обещаю одно: судить моряков будет военно-морской трибунал. В Кронштадте. Ваше мнение при вынесении приговоров будет учтено. И на этом баста!»

По всем документам эта сверхсекретная воинская часть проходила как «Подразделение 33». В названии была отдана дань уважения великому русскому поэту Пушкину, описавшему – если и не первым, то очень образно и ярко – захват отрядом боевых пловцов участка побережья. Помните:

«Окиян подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснётся в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря...»?

Шутки шутками, но именно так, с лёгкой руки Николая Ежова, был назван первый в Советской России Центр подготовки боевых пловцов.

Нынче его бойцам предстояло держать боевой экзамен. Задачу перед командиром группы капитаном 3 ранга Рябко ставил лично нарком Ежов.

– Карту акватории, прилегающей к острову, а также план самого форта вы, я полагаю, уже изучили?

– Так точно!

– Тогда вам известно, что в настоящее время форт используется как склад морских мин и торпед Балтийского флота? – Взгляд Ежова был строг и требователен.

– Известно, товарищ нарком! – уверенно отрапортовал Рябко.

Взгляд Ежова потеплел.

– А коли известно, Павел Ильич, то вы не можете не понимать, какими могут быть последствия, если мятежники исполнят угрозу взорвать форт при нашей попытке его захватить?

– Понимаю, Николай Иванович. Форт разлетится на куски, а его обломки накроют и Кронштадт и Ораниенбаум.

– Верно. Но и тянуть со штурмом мы более не можем. Как вам известно, мы вынуждены потакать требованиям мятежников и снабжать их продовольствием и медикаментами. Так вот. В состав продовольствия они постоянно требуют включать спиртное, с каждым разом всё больше и больше. Вам это о чём-нибудь говорит?

– Так точно! – кивнул Рябко. – Дисциплина среди мятежников падает.

– И это тоже, – согласился Ежов. – Но меня больше беспокоит возрастающая при этом вероятность случайного подрыва. Вы согласны?

– Совершенно согласен!

– Это хорошо. Значит, вы должны понимать, что много времени на подготовку операции я вам отпустить не могу. Завтра мятежники пришлют катер за очередным пополнением запасов. Иные корабли они к форту не подпускают. Сегодня вечером, много – завтра утром, вы должны представить план операции. Вопросы?

– Нет вопросов!

– Тогда свободны!

Глубокой ночью Рябко доложил план операции...

**

На следующий день, когда катер мятежников пришвартовался на обычном месте, ящики и мешки с припасами были уже приготовлены, как и всегда. Убедившись, что пирс пустой,

караул маячит лишь у входа, моряки приступили к погрузке. Усатый боцман, руководивший работами, неладное заметил не сразу, а как заметил – стал материться.

- Ты чего, Власюк? – удивился один из моряков.
- Так, тудыть их растудыть, вина-то нет!
- Как это нет? – забеспокоился матрос и крикнул в сторону остальных:
- Братва, полундра!

Работы по погрузке прекратились. Моряки, сгрудившись вокруг боцмана, стали обсуждать возникшую проблему. Потом боцман решительно направился в сторону караула, остальные неспешно продолжили погрузку, то и дело бросая взгляды в сторону удаляющейся фигуры. Не доходя до караульных метров тридцать, боцман остановился и с обидой в голосе прокричал:

- Непорядок, братишки!
- Чего случилось? – спросил старший караульный.
- Так вина недоклали!
- И много недоклали? – полюбопытствовал караульный.
- Так совсем недоклали!
- Дела... – посочувствовал моряк. – Только от нас-то ты чего хочешь?
- Так пошлите кого-нибудь, пусть узнает, в чём причина.
- Караул ослабить хочешь? – посуровел лицом старший караульный. – А ну-ка взять его

на прицел!

Караульные защёлкали затворами.

– Погодьте, братишки! – выставил вперёд ладони боцман. – Я ж без умыслу какого. Не можете никого послать, так вызовите караульного начальника.

– Ладно, – смилостивился старший караульный и просвистел условный сигнал в боцманскую дудку.

Вскоре в их сторону от караульного помещения затрусили несколько человек.

– Что тут у вас приключилось? – спросил начальник караула, когда все формальности были соблюдены и усиленный караул собрался вместе.

– Вот он говорит, что вина им вроде как недоклали, – пояснил старший караульный, показывая в сторону боцмана.

– И что он хочет этим сказать? – нахмурился начкар. – Что это мы их вино умыкнули, что ли?

– Да нет, – ответил было старший по караулу. Потом лицо его стало задумчивым. – Хотя и не знаю даже. Да вы лучше сами у него спросите.

Начальник караула так и поступил. Переговоры продолжались несколько минут. Потом начкар ушёл, оставив усиленный караул у входа на пирс, а боцман никуда не ушёл, присел на причальную тумбу и стал ждать. Моряки с катера потихоньку продолжали погрузку, исподтишка наблюдая за происходящим в расположении поста и совсем не обращая внимания на то, что происходило возле борта катера. А там, на поверхности воды, какое-то время лопались подозрительные пузыри. Потом всё успокоилось. Из караульного помещения прибежал посыльный, прокричал боцману: «Сейчас подвезут, ждите!» Моряк встал с тумбы, кивнул и направился к катеру.

С погрузкой затянули часа на три, потому к форту подошли, когда стало смеркаться. А тут ещё и дождь пошёл. И того, что под причалом затаились невесть откуда взявшиеся пятеро боевых пловцов, никто и не заметил. Первая часть плана Рябко сработала без сбоев.

Придуманый в «Подразделении 33» подводный аппарат для транспортировки группы пловцов был чем-то средним между велосипедом и рыбой-прилипалой. Под водой передвигался при помощи винта, соединённого приводом с педалями, а к днищу корабля крепился посредством пневматических присосок, соединённых шлангами с баллонами от аппарата Флюсса. Такие же модернизированные в «Подразделении 33» автономные аппараты для

подводного плавания были у каждого боевого пловца. Конструкция, честно признаться, крайне несовершенна, и должной скрытности подхода к объекту не обеспечивает. Бдительный вахтенный вполне мог аппарат засечь. Потому и потребовалась чехарда с вином. Но ведь сработало? И катер, помимо необходимых припасов, доставил к форту группу боевых пловцов во главе с самим Рябко. Кислород следовало беречь, потому во время швартовки пловцы перебрались под настил причала, где и просидели до конца разгрузки. Когда команда покинула катер и ушла в форт, оставив на корабле одного вахтенного, пловцы быстренько провели захват катера, превратив его в опорный пункт десантной операции. Туда, посредством того же подводного «велосипеда», с блокировавших подходы к острову эсминцев были доставлены остальные пловцы. Проектора форта, неустанно обшаривающие водную поверхность, ночью да при дожде ничего такого, понятное дело, не высветили. Таким образом, бредущего от форта сменщика давно уже повязанного вахтенного встречали уже двадцать пловцов. А тот шёл, против всех правил, один, прикрываясь от дождя и ветра поднятым воротником бушлата. Его приняли, повязали и бросили в трюм к напарнику, содрав предварительно бушлат.

Часовой у входа в форт лениво следил за бредущей по мосткам фигурой. Крадущихся в темени бойцов в маскировочной одежде не замечал, потому калитку отворил без опаски.

Проникнув в форт, бойцы Рябко в первую очередь захватили подготовленный к подрыву арсенал. Теперь настал черёд обеспечить высадку морской пехоты. Через некоторое время два прожектора, ответственные за общий сектор водного пространства, просигналили на корабле «Штурм!» Тут же к берегу устремились десантные мотоботы.

Дыбенко взяли спящим. Он ещё успел ухватиться за рукоять маузера, прежде чем получил прикладом по голове...

ПОСЛЕ МЯТЕЖА

Сентябрь 1920 года
Глеб

Я уже второй месяц руковожу Наркоматом обороны, и ровно столько же разгребаю завалы, оставленные мне «товарищами» Троцким и Тухачевским. С Тухачевским маху дали мы. Да нет... скорее, всё-таки я один. Я ведь ещё в ТОЙ жизни не строил иллюзий насчёт отдельных качеств этой незаурядной – и не себе в оправдание я это говорю! – личности. Заносчивость, пренебрежение мнением других, властолюбие (похоже, в заговоре против Сталина он всё же тогда участвовал) и, как итог, непомерная гордыня – это всё Тухачевский. Но ведь и личная храбрость, полководческий талант – это тоже приписывают ему. Не правда ли, очень напоминает портрет Наполеона, да и Жукова, пожалуй, тоже? Но Жуков – тема отдельная, он пока у нас в капитанах ходит, а вот Тухачевского я решил подтянуть к себе поближе, ещё с начала революции. Помог парню с карьерой. По окончании Высших Красногвардейских Курсов он уже полковник Генерального штаба. Потом успешное командование частями Внутренних войск на Украине и на Юге России. Правда, командовать Гвардейской Ударной Армией при наступлении в Восточной Пруссии у него получилось не блестяще, пришлось мне, как командующему фронтом, ему подмогнуть, так ведь это нормально. А вот на Генштаб его уже не я двигал, тут Ленин со Сталиным постарались, сказала их личная неприязнь к «осколкам прошлого режима». Если по чесноку, как военспец Тухачевский вполне даже ничего, тут я за собой греха не вижу. А как человек... Потому ограничил я с ним общение, кроме как по службе и не встречались. И в этом мой грех, который я себе никогда не отпущу, потому что Маше это стоило жизни. Ведь именно Тухачевский, не Троцкий, к таким выводам пришло следствие, дал сигнал к началу мятежа. Убийство Спиридоновой и Дзержинского, правда, санкционировали Лацис и Блюмкин. Но ведь одно из другого вытекает, нет? Ладно, хрен с ним, с Тухачевским, он своё получит, не отвертится! А вот Троцкий... Ох, и скользкий же тип Лев Давидович! Как ни бьётся следствие, а вменить ему напрямую организацию мятежа пока не удаётся. А без этого его депутатской неприкосновенности не лишают. Максимум что санкционировали, так домашний арест, как косвенно причастного к беспорядкам. Нарком обороны, ети его! Вот этого я до сих пор не понимаю. В ТОМ мире не понимал, не понимаю и в этом. Как можно назначать на столь ответственный пост человека, который в армейской кухне ни ухом, ни рылом? Какая такая политическая целесообразность? Херня это, а не целесообразность! Макарыч, когда пост Троцкому передавал, объяснял: мол, не кипятись, внутрипартийной оппозиции, чтобы не сильно лаяла, треба бросить кость. Время мирное, да и ненадолго это: закрепим законодательно на съезде Советов начавшиеся реформы – отберём портфель взад. Смеялся ещё. И старого, говорил, не вернём. Нам на иностранных делах Троцкий ещё меньше нужен! Вот и доигрались, тактики хреновы! Думали, если обложат Троцкого в наркомате со всех сторон, так он особо ничего вредного сделать и не сможет. А он смог! Снюхался с Тухачевским, и стали они свою линию гнуть аж по двум направлениям: и по линии наркомата, и по линии Генштаба. В первую очередь давление испытали спецы старой школы: Брусиллов, Духонин, и остальные. Ладно, я подсуетился, вовремя со всеми переговорил тет-а-тет: мол, терпите, ребята, в бутылку не лезьте, а то враз постов лишат. После съезда всё разрулим! Хорошо, они мне поверили, создали у Троцкого и Тухачевского видимость, что полностью в их воле. Потому и мятеж, считай, на корню подавить удалось. Мятеж, в который верить не хотели, но к которому были готовы, заранее согласовав возможные действия. К сожалению, пригодилось. И никто не подвёл. Бонч-Бруевич в Генеральном штабе, Слащёв в Петрограде, Духонин

в Финляндии, Брусилов на Украине – все сработали, как старые надёжные часы. Командующие Балтийским и Черноморским флотами тоже бразды правления из рук не выпустили. На Юге как было беспокойно, так и осталось. Но Фрунзе к этому привычный, да и от казаков помощи много. А вот за Кавказским хребтом нашим товарищам и по сей день приходится туго. То, что в канун съезда Советов на Кавказе встрепенутся правые всех мастей – это ожидалось. А вот то, что в ту же дыру полезут и леваки – стало неожиданностью. Теперь-то понятно, что без Троцкого там не обошлось. Но тогда с перепугу приняли опасное решение: отправили на Кавказ Сталина: твоя вотчина – тебе и флаг в руки! И вот тут я – чего зря скромничать? – не оплошал. Затеял в Центральном военном округе учения, чтобы в поле быть на воле. Когда узнал про Сталина, поезд его по тихой перехватил, убедил Иосифа задержаться, спрятал в своём штабном вагоне, а поезд отправил дальше без хозяина. А всё потому, что было мне ведомо: Ленин из-за этих передряг с «троцкистами» сильно сдал, держится из последних сил. Ну как при таком раскладе первого заместителя пред. Совнаркома далеко от столицы отсылать? Заговорщики про этот манёвр так ничего и не прознали, что потом и стало решающим фактором нашей победы. Так что я не только сука, но и молодец. Ах, если бы не Маша!..

А вот и адъютант явился, докладывает:

– Товарищ нарком, контр-адмирал Шишко ожидает приёма!

– Зови!

Иду навстречу.

– Здорово, Павел Оттонович!

Ну вот, смутил человека, не дал представиться как положено. Теперь не знает, что с рукой делать. Перехватываю и жму.

– Здравия желаю, Глеб Васильевич! – наконец находит верное решение Шишко.

Сначала чай и тары-бары вокруг тары. С боевыми товарищами я всегда так, если время не поджимает.

Но вот адъютант за нами прибрал, и пришло время расстелить карты. На карту Западной Пруссии, которая, как и Восточная, по «Версальскому миру» попала на 25 лет под протекторат России – не вся территория, часть южных областей отошла Польше, но побережье всё наше – Шишко смотрит с интересом, но без удивления.

– Ждал? – спрашиваю.

Жмёт плечами. Мол, мог бы и не спрашивать. Это ведь разведка Особой Балтийской Армии, которой командует Шишко, добыла сведения о приготовлениях поляков.

Особая Балтийская – моя гордость. Целая штурмовая армия, это тебе не кот чихнул!

– Что, товарищ нарком, – Шишко кивнул на карту, – мало полякам той щели, что им по «Версальскому миру» положена?

Павел Оттонович имел в виду особый статус Данцига, вольный, видите ли, город, к которому для поляков через контролируемые нами земли проложен узкий коридор – это чтобы они как бы выход к морю получили. Так мало им этого! Хотя, положи руку на сердце, тут я их понижаю. Какой это выход к морю? Одна насмешка, щель, прав Шишко. Мало того, что ширина коридора позволяет нашим патрулям с разных сторон перекликаться, так над ним (коридором) мы несколько мостов построили – не летать же нам туда-сюда в самом деле? А то, что с этих мостов всё движение по коридору как на ладони, так это, звиняйте, издержки. В общем, вволю наши дипломаты над поляками покуражились за то, что они – пся крём! – Западно-Украинскую Народную Республику признать отказались. Не артачились бы паны – имели нормальный выход к морю! Но это всё лирика, а на вопрос Шишко я отвечаю иначе.

– Мало, командарм! И, похоже, твоя разведка точные сведения добыла: вот-вот попытаются они коридор этот расширить, а за одним и Данциг занять.

– И Лигу Наций не побояться? – усомнился Шишко. (По «Версальскому договору» Данциг находится под управлением Лиги Наций).

– Там от имени Лиги англичане командуют, а они полякам, сам знаешь, благоволят.

Шишко кивает.

– Точно. Сговорились они!

– Так или иначе, – накладываю ладонь на карту, – но крепость по договору мы оставили за собой! В связи с этим слушай задачу, Павел Оттонович!

Шишко подтянулся. Глядя ему в глаза, произношу:

– С этого дня назначаешься ты комендантом крепости Данциг, с армии тебя тоже не снимаем.

– Прикажете отбыть с войском? – Лицо лукавое, на губах улыбка. Лихой командир! Вроде не на курорт посылают, а он хохмит.

Лады! Поулыбаюсь и я.

– Прикажу, но без войска.

Лицо старого вояки враз становится серьёзным. Я тоже сгоняю с лица улыбку. Пришло время для строгого разговора.

– Понимаешь, Павел Оттонович, надо нам исхитриться, и крепость, ежели полезут поляки, а они полезут, удержать, и дипломатию соблюсти. Просекаешь?

– Не совсем...

Спасибо, не соврал.

– По тому мандату, что есть у нас от Лиги Наций, на всех подмандатных территориях мы можем разместить строго ограниченный воинский контингент. То же касается и крепости Данциг. Если мы теперь начнём крепость войсками набивать, можно будет это расценить как недопустимое своеволие?

Лицо Шишко прояснилось.

– Понял, товарищ нарком.

– Да ты погоди радоваться. Что понял, молодец, а перебивать старших по званию всё одно не след.

– Виноват!

– С этим не поспоришь. Теперь слушай дальше. Просто увеличить численность гарнизона мы не можем, а вот провести плановую замену войск нам никто не запретит. А при этом, сам знаешь, всякая неразбериха случиться может: одни части уже прибыли, а другие ещё не убыли, транспорт, понимаешь, сломался! Может такое быть?

– Вполне, товарищ нарком!

– Вот теперь ты действительно кое-что понял. Остальное в Генеральном штабе объяснят. Отправляйся немедленно. Бонч-Бруевич тебя уже ждёт.

Шишко замялся.

– Что-то не так?

– Товарищ нарком, разрешите вопрос?

О как!

– Спрашивай!

– Что там Кошкин?

Понятно, за друга волнуется. Говорю как можно мягче:

– Знаю, что живой. Знаю, что не битый. Насчёт остального, извини...

– Понимаю... – Разрешите идти?

– Ступай.

**

Шишко лихо поворачивается и покидает кабинет, а я подхожу к стене и раздёргиваю занавес. За ним огромная карта Российской Империи. Хорошая карта. От старого режима осталась. Новых-то карт пока не напечатали, приходится этой пользоваться. А и ничего! Из прежних земель пока только Польша отделилась, за что мы её в косую полоску и заштриховали. Зато мы земель по обе стороны этой «зебры» прирезали. Восточную и Западную Пруссию у Германии оттяпали. Протекторат – та же оккупация, если кто понимает. А в Карпатах от Австро-Венгрии хороший шматок прирезали. Там теперь Западно-Украинская Народная Республика обретается. Из-за этих земель – и тех, что справа, и тех, что слева, – у нас с поляками тёрки происходят. И теперь уже совершенно ясно: без мордобоя мы этот спор не решим. Поляки, по мнению Генштаба – и я это мнение разделяю, – основными силами наступать будут на Данциг. В районе Бреста выставят сильный заслон, чтобы перекрыть нам прямую дорогу на Варшаву. А вот на Львов пойдёт Петлюра. Мы его в 18-м долго в тюрьме держать не стали. Он как на волю вышел, сразу в Польшу рванул. Теперь его гайдамаки постоянно на границе с ЗУНР безобразят. И сил он, по нашим сведениям, накопил изрядно. Львов, понятно, не возьмёт, Брусиллов этого не допустит. Но и гоняться за гайдамаками, равно как и наступать из Западной Украины, Алексей Алексеевич не сможет, нет у него для этого войск. Придётся этим заняться Махно. Вот только управится ли? Послал я Нестору Ивановичу запрос. Пока молчит. То ли тугодум, то ли гордый, то ли всё-таки дурак, поди отсюда, разбери. Пора Миронову ставить задачу: пусть формирует ещё один казачий корпус, на всякий случай. Эх, вовремя мы тогда казаков на свою сторону завернули. Какая от них великая подмога (я имею в виду от всех казачьих войск)! И границы держать помогают, и войскам Фрунзе в помощи не отказывают, и теперь уже второй отдельный корпус формировать будут. И сформируют, я в этом не сомневаюсь! А первый сформированный казаками корпус теперь под Читой. В составе экспедиционного корпуса генерал-майора Слащёва. Это нам так недавний мятеж аукнулся. В центре мы его быстро подавили, но эхо мятежа покатило по Транссибу. Вооружённых выступлений, правда, случилось немного, и подавить их удалось довольно быстро везде, за исключением Омска и Хабаровска. В Омске попытался установить одному ему понятно какую власть казачий атаман Анненков. Правда, продержался он ровно до подхода экспедиционного корпуса Слащёва. Теперь в Омске порядок, жаль, сам Анненков сбежал. Чую, будет нам с ним ещё морока. В Хабаровске мятежникам удавалось в течение нескольких недель удерживать в своих руках часть города. Успеху хабаровского восстания способствовало то, что на сторону мятежников перешла большая часть кораблей Амурской речной флотилии. Пришлось вице-адмиралу Берсеневу, «Ершову» шурина, командующему Тихоокеанским флотом, отрядить в помощь сухопутным войскам, что противостояли мятежникам, пару своих кораблей да бригаду морской пехоты под командованием полковника Кошкина. Мятежники перед силой дрогнули, спустили флаги. Порядок в Хабаровске восстановили, обойдясь малой кровью. И всё бы ничего, да померещилось кой-кому в российской глубинке на фоне всех этих событий, что власть в центре не крепка. Войсковой атаман Забайкальского казачьего войска Семёнов, который до того сильно на власть не лаял, и вроде как решению Всероссийского Казачьего Круга подчинялся, объявился под Читой с войском и потребовал сдать город. Он-де тут столицу Независимой Забайкальской Народной Республики держать будет. Гарнизон в Чите стоит крепкий, командиры надёжные, показали ему фигу. Когда сунулся – дали достойный отпор. Так он, тать, добрый кусок Транссиба захватил, и начало КВЖД оседлал. Верховный атаман Всероссийского Казачьего Войска Миронов как про то узнал, сразу Семёнову депешу отправил: отчитайся, мол, в своём паскудстве. А тот его ответной телеграммой послал; куда – не скажу. Вот Миронов и попросил в экспедиционный корпус, который мы для разборки с Семёновым отрядили, включить казачий корпус под командованием атамана Будённого. По последним данным, Слащёв с войском уже прибыл на место и вот-вот начнёт операцию против мятежного атамана. Так что, думаю, скоро в Забайкалье установится мир и порядок. Чего не могу сказать о Турке-

стане. Тамошние националисты тоже вроде как отделяться вознамерились. наших войск там с гулькин нос, который они из крепостей шибко показывать опасаются. Но, честно говоря, Туркестан меня сейчас волнует меньше всего. Нет там среди наших противников единства, а потому серьёзной угрозы государственного масштаба тоже нет. Ими мы вплотную займёмся позже, а пока всё внимание Польше.

Николай

Я стоял у окошка. Слушал, как поезд пересчитывает стыки рельсов на мосту через Обводной канал и тихо радовался. Больше месяца мотаюсь между Питером и Москвой, но теперь конец моим мытарствам близок.

Началось всё с того, что именно меня, наркома ГБ, после успешного подавления мятежа в Кронштадте, Сталин отправляет в Москву, чтобы я своими глазами удостоверился в состоянии здоровья Ленина – это официальный повод. Повод неофициальный: оценка событий накануне начала мятежа.

«Разберись со всем на месте, – напутствовал Сталин. – Нам важно знать: была ли болезнь Ильича неожиданностью и для мятежников тоже».

Сомневаться основания были. Выбором места для размещения резиденции пред. Совнаркома в Москве по поручению тогдашнего заместителя наркома НГБ Лациса занимался опять-таки теперь уже бывший начальник управления НГБ по городу Москве Блюмкин. Заговорщик на заговорщике! На допросах они признали за собой многое, но все в один голос утверждали, что каких-либо противоправных мер в отношении товарища Ленина с их стороны допущено не было. И всё-таки у следователей оставалось сомнение: что-то они не договаривали.

Сразу с аэродрома я отправился в подмосковную усадьбу «Горки», где была расположена резиденция Ленина. При съезде на дорогу, ведущую к усадьбе, оборудован милицейский блокпост. И хотя меня явно опознали, документы проверили со всей тщательностью. Пока добирались до ворот усадьбы, пару раз попадались на глаза казачьи разъезды, которые патрулировали территорию внутри особой зоны. Прямо перед воротами оборудован ещё блокпост, но службу там несли уже не милиционеры, а солдаты Кремлёвского полка. Перед крыльцом большого дома меня встретил старый приятель, начальник личной охраны Ленина, Вася Головин. Он был под моим началом ещё во время Февральской революции, я лично занимался его подготовкой и был уверен в нём на полные сто процентов.

Сразу к Ленину меня не допустили. Вышла Надежда Константиновна, и, проявив максимум деликатности, попросила меня подождать «пока Володя проснётся». Я спросил, сколько это будет по времени? «Час или чуть больше». Я кивнул и повернулся к Василию:

– Покажи мне пока хозяйство!

Теперь чуть ли не на каждом шагу попадались спецназовцы НГБ. С охраной, конечно, серьёзно переборщили, но таков уж наш русский обычай: обжёгшись на молоке, начинаем дуть на водку.

– И как ты управляешься со всем этим разномастным табором? – спросил я у Василия.

Тот понял, о чём я, пожал плечами.

– Лучше уж так, чем трястись каждую минуту.

Такого в рапорте не было!

– Давай-ка об этом поподробнее, – приказал я. – Когда трясся, и отчего?

– Так это сейчас тут многослойный пирог, – сказал Василий. – Милиция, казаки, кремлёвцы и наш родной спецназ, а до этого одни бойцы Блюмкина вокруг хороводы водили.

– И что, сильно давили?

– Да как тебе сказать? – Василий снял фуражку и почесал затылок. – Вроде как и нет, а вроде как и да. Как Ильичу худо стало, враз телефон замолк, сказали: обрыв. Мы про мос-

ковские тёрки только от одной из медсестёр и узнали, и то под большим секретом. А врачи так ни гу-гу. Их, прежде чем в дом пустить, запугали сильно.

– А «блюмкинцев» ты, значит, в дом не пускал? – скорее для разговора, ответ был известен, уточнил я.

– Обижаешь! – Вася глянул на меня с укором. – Чай, я порядок знаю. В дом, с оружием, кроме моих ребят, никто войти не смел, и не смеет!

Это да. Меня сегодня при входе и то разоружили.

– Ладно, Вася, это я так, для порядка. К тебе и твоим ребятам претензий нет, а вот вопросы есть.

– Спрашивай. Я всё, как на духу.

– Тогда скажи мне, друг мой Вася, не показалось ли тебе, что место для резиденции было выбрано не очень удачное?

Василий ненадолго задумался, потом решительно помотал головой.

– Нет, мне так не показалось. Даже наоборот. Здесь и тише, и воздух чище, да и город рядом. Нет, не показалось!

– А то, что тут вас по тихой передавить могли – это как?

– От тебя ль я это слышу? – удивился Василий. – Как это по тихой? Никак такого быть не могло, ты ж моих ребят знаешь!

Тут он прав. Ребята у него орлы. Но я же не про ту тишину.

– Не кипятись, – говорю, – Василий, а лучше подумай: долетел бы ваш шум до города?

– Это навряд ли, – признал Василий. Сокрушённо вздохнул. Поглядел виновато. – Об таком я, Иваныч, как-то не подумал. Виноват.

– Не винись. Лучше подумай вот о чём. Не показалось ли тебе, что приступ у Ильича был не столь уж и тяжёл, чтобы его потом так долго в постели держать?

– А вот, знаешь, показалось, – почему-то шёпотом ответил Василий. – Врач, что его пользовал, говорил потом *Константине*, я слышал, мол, *госпитация*... – слово Васе не далось, пришлось поправить:

– Госпитализация.

– Во-во. *Енто* самое слово, сказал доктор, ему не требуется. Покой, сказал, и ещё раз покой.

Что-то стало проясняться. Говорю решительно:

– Возвращаемся в дом!

– Так, ещё только полчаса прошло, – слабо сопротивляется Василий.

– Возвращаемся, говорю!

Крупская выглядела слегка удивлённой, но я поспешил заговорить первым:

– Надежда Константиновна, мне надо с вами переговорить.

Недоумённо пожала плечами, но возражать не стала.

– Пройдёмте...

Привела меня в небольшую комнатку, верно, её личные покои, указала на кресло.

– Располагайтесь, Николай Иванович. Здесь нам никто не помешает. Можете задавать ваши вопросы.

– Надежда Константиновна, – говорю мягко, но с нажимом, – я не хочу пугать, или, упаси бог, угрожать, но от того, насколько честными будут теперь ваши ответы, зависит, поверьте, многое, в том числе и для вас.

Опустила голову, ждёт вопросов.

– Ответьте честно, приступ у Владимира Ильича был не настолько серьёзен, чтобы объявлять о каком-то ударе?

Вскинулась, хотела что-то возразить, но пересеклась со мной взглядом и поникла. Молчит.

– Надежда Константиновна, поверьте, я не причиню вам вреда хотя бы по той причине, что этого не одобрит Владимир Ильич. Если вам трудно это произнести просто кивните.

Кивок получился короткий, но отчётливый.

Облегчённо вздыхаю. Теперь картина с «ударом» Ленина мне совершенно ясна. Говорю, с трудом сдерживая радость:

– Я не буду спрашивать у вас, под давлением вы это сделали или без него. Не суть. Не буду также спрашивать, кто и как уговаривал врачей поставить более серьёзный диагноз: врачи в этом всяко не виноваты. Ответьте вот на что: лекарства, которые прописаны Ильичу, долго продержат его в состоянии апатии?

– Это может занять ещё около месяца, – голос еле слышен, приходится напрягать слух. – Врачи говорят, что курс должен быть пройден полностью. Иначе они не ручаются за последствия. – Надежда Константиновна подняла на меня мокрые от слёз глаза. – Поверьте, я только хотела, чтобы Володя остался от всего этого в стороне. Ему действительно было очень плохо. Он давно уже серьёзно болен.

– Я знаю, Надежда Константиновна. Обещаю, что этот разговор сохранию в тайне. Пусть всё идёт своим чередом. Я имею в виду начатое лечение. Но в работу мы начнём вводить Ильича уже с сегодняшнего дня – это не обсуждается!

Надежда Константиновна кивнула, сделала она это как-то обречённо.

**

При въезде в Москву сразу назвал водителю адрес больницы, где лежал Шеф. Так сложилось, что до сих пор никому из нас навестить его не удалось. Вернее, Васич забегал, когда «брал Москву», но Шеф был ещё без сознания. Машу похоронили на Новодевичьем кладбище без нашего участия, и, понятно, без участия Шефа в день закрытия съезда Советов. Депутаты пожелали лично проводить в последний путь своего погибшего лидера. Похороны из дела семейного превратились в политический акт. И нам пришлось с этим смириться.

Шеф лежал в отдельной палате, возле которой был выставлен круглосуточный пост. У меня проверили документы, попросили сдать оружие, и лишь после этого впустили в палату. Шеф лежал на кровати, до горла накрытый простынёй. Его и без того не маленькие глаза выглядели на измождённом лице просто огромными. Когда я в них заглянул, то содрогнулся: жизни в них не было. Присев на стул, я нарочито бодрым голосом произнёс:

– Привет, болящий!

Его глаза сверлили мне мозг. Не отвести взгляд стоило больших усилий.

– Ты был у неё?

Я растерялся, не зная, что ответить, коря себя за то, что не догадался спросить, знает он о смерти Маши или нет?

Шеф понял причину моего смятения и уточнил:

– Ты на кладбище был?

– Нет. Просто не успел. С самолёта сразу в «Горки», потом сюда, даже в гостиницу не заехал. Но завтра, обещаю, я там побываю.

Шеф прикрыл глаза. Теперь я мог разглядеть его получше. Господи, сколько же у него в волосах прибыло седины!

Шеф лежал неподвижно, с закрытыми глазами, и я, чтобы хоть что-то делать, стал рассказывать ему о поездке в «Горки». Слышал ли он меня? Примерно посередине рассказа он меня перебил:

– Почему это случилось?

– Что случилось? – не сразу понял я. Потом допёр: – Ты о Маше?

Он чуть заметно повёл головой.

– Первая пуля. Ещё до того, как ты прикрыл её. Снайпер. Он был основным исполнителем. Остальные лишь отвлекали внимание. Потому он успел попасть в тебя ещё дважды. Потом вас прикрыли. В это время Маша была уже мертва.

Шеф дёрнулся. Из его груди вырвалось сдавленное рыдание. Я беспомощно оглянулся, хотел позвать на помощь, но этого не потребовалось. Вбежали врач и сестра – подглядывали за нами, что ли? – стали хлопотать возле тела. Мне приказали: «Уходите!» и стали отодвигать к выходу. У порога я вспомнил, что ничего не сказал о дочери и крикнул:

– За Аню не беспокойся, она здорова, о ней заботятся!

Потом меня вытолкали за дверь.

На следующий день с утра был в «Горках». Ленин подготовил перечень вопросов, ответы на которые хотел бы знать завтра. «Я так быстро не успею» – запротестовал я. «Сколько вам надо времени?» – раздражённо спросил Ильич. «Дня три, не меньше». Ленин сокрушённо вздохнул: «Что с вами поделаешь! Но и не больше!» Мне кажется, что он не осознавал того факта, что мне надо мотаться в Питер и обратно. После «Горок» заехал на кладбище, положил цветы на Машину могилу. Потом поехал в больницу навестить Шефа, но к нему меня не пустили, сказали, что после моего вчерашнего визита больному стало хуже.

– Значит, ты считаешь, что Ильича никто силком в «Горках» не удерживал? – спросил Сталин, когда я явился к нему с докладом о поездке в Москву.

– Нет, – твёрдо ответил я. Слово, данное Крупской, надо было держать. – Может слегка сгустили краски с диагнозом, но постельный режим Владимиру Ильичу был показан точно!

– Хорошо! – сказал Сталин.

Я положил перед ним составленный Лениным вопросник, и предупредил, что ответ нужен не позднее чем через два дня.

– Хорошо, – ещё раз произнёс Сталин, – к твоему отлёту ответы будут готовы.

– Как к моему? – вырвалось у меня. – Это что, опять лететь мне?

Сталин усмехнулся в усы.

– Мы тут посоветовались, и решили, что более надёжного связного между Лениным и Совнаркомом, чем нарком ГБ, не найти!

– Ничего, сдюжишь! – сказал Васич.

– Мишку будешь навещать! – сказала Ольга.

– Беденький ты мой... – сказала Наташа. Одна она мне и посочувствовала.

Ольга

– Только не подумай, что я пришла обмывать твои генеральские погоны!

– Да ничего я такого не думаю, – пробурчала я, пропуская Сашку в прихожую.

Честно говоря, пускать её не сильно-то и хотелось. Вчера обмывали моё генеральское звание. Вроде бы и скромненько. Вот Васич с утра подорвался на работу, а я отзвонилась дежурному, сказала больно. Надеюсь, подчинённые отнесутся к моей хворобе с пониманием. Похмелье на Руси всегда вызывает уважуху. Только это что же получается: я одна вчера и наклюкалась? Ладно, Глебушка мать такой не видит. Нету сладенького моего дома, гостит у тёти Наташи. У неё всё одно в квартире детский сад, одним больше – не помеха.

Пока тащилась поперёд гостыи на кухню, в моём трещащем чугушке сварилась дельная мысль: есть теперь с кем опохмелиться! Потому без лишних разговоров тащу на стол всё, что осталось после вчерашнего, плещу по бокалам винище:

– Бум, подруга!

Торопливо хватая бокал, чокается им об мой, и тут же добавляет:

– Но только не за твои погоны.

– Говорила уже...

Дались ей эти погоны...

С Сашкой Коллонтай мы сошлись на почве её беспробудного блядства. Господи, что я говорю! Не слушайте вы меня, я сегодня злая.

Дело было на каком-то светском рауте, где я присутствовала как мужняя жена, потому была в цивильном. Васич шёл нарасхват. Я поначалу за ним таскалась, потом потихоньку отстала, он вроде и не заметил. Ну и ладно. Пошла искать кого из наших. Никого не нашла и заскучала. От той самой скуки стала разглядывать публику – обычно она мне до фонаря. И заприметила одну шустрюю бабёнку. Симпатичная, хотя уже не молодуха. Навроде меня. Только я стою скромненько в сторонке, шампанское мелкими глотками потребляю, а она себе другую забаву придумала: мужиков дразнить. То одного бедром зацепит, то другого. Я на эти шалости до поры сквозь пальцы смотрела, пока она вокруг моего Васича не стала круги нарезать. Отставила я шампанское в сторону, уличила момент, поймала барышню за локоток и отволокла в сторону. Смотрит недоумённо, но без страха.

– Ты, – говорю, – милая, коли до мужиков охоча – так то не моё, конечно, дело. Однако ежели на моего глаз положишь, то я его тебе быстро на твои вторые девяносто натяну!

Так и сказала без скидки на времена. Всё ли она из сказанного поняла, про то не знаю, только глянула на меня то ли оценивающе, то ли даже с уважением, и спрашивает:

– Это который твой-то?

– Да вон тот, – говорю, – красивый военный, вокруг которого все тут вертятся.

– Генерал Абрамов?

Теперь в её взгляде точно уважение появилось.

– Видный, – говорит, – мужчина. Только ведь и мой не хуже!

– Покажи! – требую.

– Так, вон он, в морской форме, с бородой.

– Дыбенко, что ли?

Тут я стала что-то припоминать.

– Постой, – говорю. – Ты та самая Коллонтай, что своим гражданским браком всюду козыряет?

Выпрямилась гордо и отвечает:

– Не Коллонтай, а Дыбенко!

Только меня это не смутило. Меня ж разве гражданским браком удивишь? Вот так мы и познакомились. Стали ли после этого подругами? Сложный вопрос... Бабская дружба – материя тонкая. Однако встречаться стали периодически. Тянула нас друг к другу какая-то непонятная сила. Может, тут сыграло свою роль то, что я её политические закидоны воспринимала без раздражения? Спорила, конечно, но вяло. Я ведь баба аполитичная. Однако с начала мятежа не виделись. И вот – явилась.

После второй мне заметно полегчало. А Сашка чуть захмелела. Налила я ей, себя пропустила, спрашиваю:

– За Павла просить пришла?

Она головой помотала, вроде как в отказе, схватила бокал и жажнула. Только потом спросила:

– А ты чего?

– Я всё. Только ты на мой вопрос не ответила.

– Нет, – говорит. – Ни за кого я не пришла просить: ни за Павла, ни за себя. Просто хочу, чтобы ты мне объяснила, почему всё так произошло? Почему наши бывшие товарищи травят нас теперь, как зверей каких?

– Так уж и травят, – не поверила я. – Что-то ты, подруга, на затравленного зверя мало похожа. Вон, на свободе ходишь, не в клетке сидишь.

Сашка мне бокал тянет, мол, плесни ещё. А мне что, жалко?

Жажнула, и со слезой говорит:

– Не понимаешь ты. Моральная травля порой куда страшнее травли физической.

– Вот что, – говорю, – подруга. Хватит пить, пойдём-ка на диванчике присядем.

Отвела Сашку к дивану, усадила рядышком. Ткнулась она мне лбом в плечо и разрыдалась. Глажу её по волосам, и как бы успокаиваю:

– Терпи, милая. У нас, русских, ведь как? Любить так любить – гнобить так гнобить. В большом мы полутонув не приемлем. А, с другой стороны, чего вы ручки свои шаловливые не попридержали, зачем от слов к делу перешли?

Сашка уже проплакалась, голову с плеча моего убрала, но отодвигаться не стала.

– Ты Лёлька, – говорит, – хороший человек, но в политике не смыслишь ни черта! Такова логика революционной борьбы: от слов – к делу!

– А ты, – отвечаю, – эту логику Аньке Жехорской растолкуй: за что вы её матери лишили, да и отца чуть не угробили!

Тяжелы мои слова для Сашки оказались, враз лицом почернела.

– Не должно было такого случиться, – отвечает тихо, – не было такого уговора.

– Было, не было, – говорю, – а случилось. И кровь эта теперь и на твоих руках тоже. Не столько, конечно, сколько у Пашки твоего. Он ведь ещё и присягу нарушил, на товарищеской с оружием пошёл!

– Да что ты всё мой да мой! – воскликнула Сашка. – Если хочешь знать, мы с ним ещё до этих событий расстались.

Во как! Про то я не знала.

– А что так? – спрашиваю.

– Застала я его с одной... прямо на нашей постели!

– Дела... – вроде сочувствую. – Только, думается мне, это вашей свободной любви вроде как не противоречит? – а тут вроде подколола.

Сашка не ответила, только рукой махнула. Сидим, молчим. Потом Сашка как-то грустно так говорит:

– Хоть и чужой он мне теперь, а всё одно жалко: такой мужик пропадает!

Вот и пойми нас, баб: что для нас на этом свете важнее?

Михаил

Я про трость Войновского уже и забывать стал. А как дело к выписке сдвинулось, так и вспомнил. Мне первая пуля ведь только жилы отворила, много я по её вине крови потерял, зато иного вреда, считай, не принесла. А вот вторая что-то со спинным мозгом наделала. Я в медицине не силен, точнее не скажу. Только я первые две недели после ранения ничего ниже пояса не чувствовал. Потом стал понемногу отходить. Теперь вот только нога левая не полностью меня слушается. Врачи говорят, что и это, даст бог, пройдёт. А пока нужно с тросточкой походить. Вот я и вспомнил о своём трофее, попросил Ерша привезти, он и привёз. Меня, если

честно, выписывать пока не хотели. Но я как узнал про то, что Ёрш переезд Ленина в Питер организывает, да по железной дороге, страсть как захотелось на экспрессе прокатиться. Врачей я уломал быстро. Им с таким больным спорить – себе дороже. Перед отъездом попросил Ерша выкроить время, свозить меня к Маше на могилку. Посидел рядышком, пошептался с ней немного. Скоро часто видеться будем, сказал. Я для себя решил в Москву перебираться, только это пока секрет. Так что строго между нами, хорошо?

С Ильичем пересеклись уже в вагоне. Лечение пошло ему на пользу, хорошо выглядит. Куда бодрее меня. Так что если моему здоровью мятеж боком вышел, то его – как раз наоборот. Мне Ёрш рассказал под большим секретом, как было на самом деле. Не было никакого удара. Просто глубокий обморок ввиду сильного нервного переутомления. Как раз после очередной ссоры с Троцким, тот ещё из Горок не успел уехать. Ну, и дал команду – Надежда его в этом поддержала (думаю, она тогда и вправду исключительно о здоровье мужа пеклась) – уложить вождя в постель недельки этак на две. Сам Ленин против этого возразить ничего не мог, поскольку поначалу действительно был плох, а потом его таким количеством успокоительно напичкали, что он на время впал в абсолютный пофигизм, больше спал. А Троцкий, вернувшись в Москву, дал отмашку к началу «стихийных» выступлений рабочих и «революционно настроенных» солдат и матросов. Лацис и Блюмкин для усиления эффекта организовали покушения на Машу, Дзержинского и меня, к сожалению, небезуспешные. Этим, впрочем, их успехи и ограничились.

Ленин, как меня в вагоне увидел, страшно обрадовался. Затащил к себе в купе, и проговорили мы с ним часов пять с небольшими перерывами. Но поезда в нашем 20-м году между двумя столицами передвигаются не так скоро, так что время на сон тоже осталось.

Питер угостил нас мелким дождичком. Ленина встречают, как и положено, с помпой. На перроне оркестр играет, почётный караул выстроился. Ну и официальные лица во главе со Сталиным. Усатый меня в окошке увидел, поприветствовал. Ленин, перед тем как проследовать на выход, ко мне подошёл, руку сжал, заглянул в глаза. «С вами, Михаил Макарович, разговор ещё незакончен, – говорит. – Как здоровье позволит, милости прошу ко мне, договорим!» Ёрш, обнимая, шепнул: «Извини, Шеф, сам понимаешь, служба...» – «Да иди ты, – говорю, – со своими извинениями. А то я не понимаю». Дождался, пока перрон опустел, и, опираясь на трость, пошёл к выходу. Только нормально мне выйти не дали. Подхватили в дверях с двух сторон какие-то дюжие молодцы, перенесли и поставили пред светлы очи аж двух генералов сразу. Когда они все на перроне нарисовались? Ведь только пустой был. А генералы те: мой старинный друг Глеб Абрамов и... Батюшки святы! Ольга в генеральском прикиде! Сюрприз удался. Ёрш, собака, удержался, не сдал. Обнимают меня в три руки. Глеб, если не забыли, одну под Ригой оставил.

Когда садились в машину, Глеб спросил: «Может, к нам?» – «Нет, – говорю, – только домой!» – «Ну, мы другого и не ожидали, – кивнул Глеб. – Наташа с утра у плиты хлопочет» – «Как она там, – спрашиваю, – справляется?» – «Справляется, – кивает Ольга, – Наташка, она молодец. Пятеро по лавкам, а она цветёт, не устаёт» – «Как, – спрашиваю, – пятеро? Ваш что, тоже там?» – «Что значит „тоже“? – возмущается Ольга. – Коли мы оба здесь, ему-то где быть?» Ну да, логично. «Наташке, конечно, непросто, – продолжает Ольга. – Но так она и не одна с ребяtnей возится. Ты же помнишь?» Киваю. Конечно, помню. Только память эта как бы из другой жизни... Ловлю себя на мысли, что и ТУТ у меня уже образовалась другая жизнь...

**

Жехорский положил телефонную трубку и кликнул жену:
– Маша, пора, машина у подъезда!

Маша выскользнула из детской.

– Не шуми, Анята и богатыри только что заснули.

– Все разом? – удивился Михаил.

– Представь себе, – присоединилась к ним вышедшая вслед за Машей Наташа. – Как Анята заснула, парни поглядели, поглядели, да тоже глазки и сомкнули.

– Дамы, пора, – напомнил Михаил.

– Успеем. – Маша повернулась к Наташе. – Давай тут, осваивайся. Чтобы к нашему возвращению чувствовала себя полноценной хозяйкой!

Улыбка у Наташи получилась виноватой.

– Я вам так благодарна, ребята, но всё одно мне перед вами неудобно.

– Так удобно или неудобно? – нахмурилась Маша.

– Тут удобно, – Наташа для иллюстрации чуть притопнула по паркету ногой, – а перед вами – нет.

– Ты это удобно—неудобно давай кончай, – чуть строжась, произнесла Маша. – В конце концов, не о наших удобствах речь. Детям тут удобно? Отвечай, удобно?

– Удобно, – вынуждена была согласиться Наташа.

– А это, заметь, главное, остальное несущественно. Да и смогла бы ты в той своей квартире хотя одну помощницу разместить?

– Не смогла бы, – помотала головой Наташа.

– Вот. А тут их у тебя целых две. Всё, Мишкин, – обратилась Спиридонова к мужу, – выходим!

– Может, всё-таки присядем на дорожку? – предложил тот.

Маша поморщилась, но спорить не стала.

– Давайте, присядем...

Вроде и не так давно это было, но тогда Маша была жива, а теперь её нет...

Николай

После возвращения Ленина в Петроград меня слегка разгрузили. Быть, помимо наркома ГБ, ещё и председателем двух крупнейших комиссий: ВЧК и ВОК, стало, откровенно говоря, неподъёмно. Теперь председателем ВЧК назначен Сталин, который вернулся к обязанностям зам. пред. Совнаркома. На днях он убыл на Кавказ наводить порядок в своей вотчине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.